

GLOBAL
CENTRE FOR
PLURALISM

CENTRE
MONDIAL DU
PLURALISME

Социальная и религиозная ксенофобия как инструмент политики советского государства. История и неизвлеченные уроки (1929-1936 гг.). На примере материалов юга Кыргызстана

Мыкгар Тагаев

Апрель 2018 года

I. ВВЕДЕНИЕ

Хотя прошли годы, но матрица - «свой-чужой» - никуда не исчезла. Она только трансформировалась, видоизменялась, но ее суть остается неизменной. Реальности сегодняшнего дня своими корнями связаны с прошлым. Так называемая «классовая борьба» насаждалась идеологическими и экономическими санкциями в отношении социальных субъектов: «кулаки», «зажиточные», «середняки», «верующие и духовенство». Намеренное продвижение враждебной дифференциации общества по советским лекалам вызывало страх и отторжение, что приводило к изоляции определенных социальных и религиозных групп. В 1929-1932 годы советская политика уже обрела зловещие признаки массовых репрессий, о которых меньше известно, чем о последующем «большом терроре» 1937-1938 годов. Жертвами произвола стали десятки тысяч человек всех этнических групп, причисленных к «социально чуждым классам и сословиям». Как подчеркивает специалист по психологии ксенофобии Г.Солдатов и А.Макарчук: «В период советской власти

существование ксенофобии санкционировалось официальной идеологией...». Со ссылкой на работу социолога А.Малашенко отмечается, что «в этом коренилась фундаментальная основа общей Ксенофобии с большой буквы, сакрализовавшая отторжение любого культурного, социального, духовного компонента, не соответствующего советскому стандарту. В официальной советской ксенофобии возникли специфические направления: религиозная фобия в виде атеизма, социальная фобия, выразившаяся в сталинской идее об обострении классовой борьбы...»(1). Формирование у населения представления об «образе врага» в рассматриваемое время было составной частью идеологических кампаний. Им могли оказаться, в зависимости от направления политики режима, целые социальные слои и группы населения. На тех, кто не боролся с «врагом» или не сумел вовремя разоблачить его, ложилось клеймо пособничества. Образ врага был необходим режиму для списывания на его происки просчеты в экономике и политике, объяснять трудности повседневной жизни, и чтобы создать для себя моральное оправдание и легче расправиться с инакомыслием. Целью

Эта исследовательская работа является частью новой серии публикаций «Глобальные мнения о плюрализме» проекта Глобального центра плюрализма. Эти семь работ были написаны в 2016 году в рамках проекта «История и память в Кыргызстане – на пути к инклюзивному обществу», направленного на поддержание местных исследователей. В каждом исследовании изучен аспект истории Кыргызстана как многообразного общества с целью повышения осведомленности в Кыргызстане о важности развития более инклюзивных исторических повествований для продвижения плюрализма.

тоталитарного режима было создание атмосферы страха в обществе, беспрекословное подчинение и выполнение его установок. Реализация мер по социалистическому переустройству социально-экономической жизни сельского населения на основе социальной и религиозной ксенофобии имела особенно тяжелые последствия в традиционно многообразном южном регионе.

О жертвах ксенофобской политики тоталитарного режима в Кыргызстане до сих пор мало известно, они были рядовые люди, в подавляющем большинстве безграмотные. Их потомки тоже остались на низких социальных ступенях, не имели возможности в последующем реабилитировать своих предков. Восстановление в памяти народа истоков социальной и религиозной ксенофобии, ее последствий на основе архивных материалов указанного периода даст возможность для укрепления демократического потенциала, для продвижения идей интегрированного общества.

Хронологические рамки исследования определяются периодом 1929-1936 годов. Выбор временных рамок обусловлен тем, что с 1929 года в социально-экономической сфере Советского государства проявляются кризисные явления, приведшие к радикальному изменению политики в деревне, обусловившие серьезные перемены на рубеже 1920-х–1930-х годов. Исследуемый период ознаменован важнейшими переменами, полностью трансформировавшими облик кыргызстанского села. До сегодняшних дней, когда речь заходит о «перегибах», «ошибках» и произволе, совершенных сталинским режимом и его опричниками на местах в отношении дыйкан и скотоводов с конца 1920х и 1930-е годы, абсолютное большинство исследователей ограничиваются в основном событиями, происходившими на селе в связи с коллективизацией, оставляя вне поля зрения мероприятия, упоминаемые в партийно-советских документах как «хозяйственно-политические

кампании». Это определение касалось всей деятельности властей по выкачиванию из деревни материальных, финансовых, также и физических ресурсов. Процесс отторжения и ликвидация «чуждых» режиму социальных групп осуществлялась в тесной связи с этими кампаниями. Данная проблема все еще не явилась предметом детального научного исследования.

В течение всего исследуемого периода Среднеазиатское руководство (СредАзбюро ЦК ВКП(б), СредАзЭКОСО) и республиканские партийно-советские органы придавали Южному региону Кыргызстана особое значение – Ошский округ (2) был определен как важный регион заготовок хлопка-сырца, урожая зерновых и мяса, которые были необходимы для обеспечения сырьем текстильной промышленности страны и снабжения хлопководческих областей Средней Азии продуктами полеводства и животноводства (3). Соответственно и борьба с «чуждыми элементами» и «классовыми врагами» шла в тесной связи с «хозяйственно-политическими кампаниями» по выполнению планов заготовки указанных видов сельскохозяйственного сырья. Для обоснования принудительных мер и придания им оправдательного характера как нельзя лучше подходила реанимированная в 1929 году ксенофобская теория о закономерности обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

II. ПРОЯВЛЕНИЕ КСЕНОФОБИИ В СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Идеологические кампании по формированию образа «врага»

В самой сути сталинского тезиса об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» был заложен призыв к социальной ксенофобии – ожидание неприятностей от окружения, поиск врага и страх от тех, кто признан «чуждым» официальной идеологией.

Отчуждение одной социальной группы в противовес к другой началось с попыток классового расслоения кыргызстанского общества на эксплуататоров и эксплуатируемых с целью замены кровнородственной общности людей классовой. С каждым годом укрепления Советов, оно набирало обороты, и мероприятия по отторжению баев и манапов (4) от основной части населения становились более жесткими и основательными, несущими в себе идеологическую и политическую направленность. Настойчивая агитационно-пропагандистская работа позволила большевикам почти безболезненно для себя провести земельно-водную реформу на юге Кыргызстана в 1927-1928 годах. С целью увеличения сторонников и нейтрализации настроения основной части населения, была создана Центральная агитационная комиссия, в гг. Ош и Жалал-Абад открывались курсы для подготовки местного актива аграрной реформы, где особенная роль была отведена вопросам классовой борьбы, социальным отношениям и формам агитационной работы. Проводились массовые

митинги и собрания бедняков с повесткой дня о необходимости ликвидации бай-манапской эксплуатации, распространялись плакаты, лозунги и обращения Центральной земельной комиссии. Политуполномоченными по проведению реформы были проведены всего 141 собрание, в которых приняли участие 10722 человек. Вынудили включиться в агитационную работу и мусульманское духовенство, так, 1 декабря 1927 г. в газете «Советская Киргизия» было опубликовано заявление видных духовных лидеров, в котором говорилось, что реформа не противоречит мусульманской религии и делались ссылки на Коран. В ходе этой реформы, предшествующей году перехода к более радикальным мерам, в южном регионе было ликвидировано признанные байскими и нетрудовыми 497 хозяйств, сокращены размеры земель у 3447 хозяйств (5). Хотя и не все прошло благополучно, но властям частично удалось вбить клин в отношения между эффективно хозяйствующей и бедняцко-батрацкой частями населения земледельческих районов Южной Киргизии, также вывести на политическую арену маргинальную часть сельского населения.

Основным средством осуществления цели отторжения социальных групп, которые власть считала своими потенциальными противниками, должны были стать издаваемые в Республике газеты и журналы. К концу 1928 года в Кыргызстане выходило шесть газет, две из них – газеты «Кызыл Кыргызстан» и «Ленинчил жаш» – на кыргызском языке, газета «Советская Киргизия» выходила на русском языке. С 1931 года в г. Ош начала выходить межрайонная газета «Кызыл пахтачи» (6). Несмотря на ограниченность тиражей и неграмотность подавляющей части сельского населения (7) периодическая печать, как «боевое оружие парторганизации» вела целенаправленную работу по формированию у своих читателей образа врага, полной негативных оценок, которые должны были возбуждать ненависть окружающего населения к «чужим», развязывая руки властям

для их уничтожения. «Баи и манапы всегда были и останутся врагами трудового дехканства. Выселение богачей улучшит положение киргизской бедноты», «на возрастающую активность байско-манапских элементов, выраженную в злостной антисоветской агитации, в разжигании межнациональной розни – ответим сплочением бедняцко-средняцкого блока вокруг Коммунистической партии и Советов» – призывали газеты «Кызыл Кыргызстан» и «Советская Киргизия» (8) – в дни, предшествующие выселению из территории КАССР крупных баев и манапов в начале 1929 года.

В кочевых и полукочевых районах, даже по происшествии более 10ти лет советской власти, не удавалось лишать местное население чувства принадлежности к родовым объединениям и достичь заметных успехов в попытках расслоения общества по классовому признаку. Описывая политическое положение в скотоводческо-кочевом Кызыл-Жарском районе (бывшая Чаткальская волость Жалал-Абадского кантона), окружной отдел ОГПУ отмечает, что «... в этом районе в состав существующих советских аппаратов попадал обыкновенно, то один, то другой род, к какой социальной прослойке это лицо не принадлежало бы, он так или иначе находился под полным влиянием своего родоначальника – аксакала и проводил свою работу, налоговые и другие мероприятия так, как указывал ему родоначальник аксакал. Признаков на классовое расслоение, при наличии твердо вкоренившихся родо-феодалных отношений нет...»(9). Авторитет политических оппонентов большевиков – манапов и баев – среди населения оставался непререкаемым. Несмотря на то, что периодически проводимые выборы в местные советы и их результаты заканчивались так, как хотели центральные власти, вскоре почти все ставленники властей оказывались под влиянием родовой аристократии. Объединенное заседание ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет) и СНК

КАССР (Совет Народных Комиссаров Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики) 4 февраля 1929 г., рассмотрев вопрос ограничения их влияния в период перевыборной кампании, принимает постановление о выселении 43-х бай-манапов (10), которое 5 февраля было опубликовано вместе с обращением «К батракам, беднякам и трудовым дехканам и скотоводам» во всех издаваемых газетах. Текст обращения является классическим примером процесса создания образа врага в лице баев и манапов. В документе очень искусно обрисовывается коварство, жестокость врага и за поддержку этого мероприятия бедноте и батрачеству обещается компенсация в виде безвозмездной передачи конфискованного имущества выселяемых (11). Судя по последующей реакции властей, большинство «закабаленного и эксплуатируемого» населения не поддержало выселение. В ее ходе имели место случаи массового провожания выселяемых с участием бедноты и батрачества и даже представителей советских органов – председателей и членов сельских советов. Констатируя такие явления, ЦИК вынужден был рекомендовать местным органам власти усилить разъяснительные работы, обращая внимание населения на то, что «... выселение и конфискация имущества в дальнейшем проводиться не будет и никого больше не коснется» (12). Из пастбищно-кочевых районов Ошского округа, где власти до этого воздерживались от активной борьбы с «феодално-патриархальными пережитками» из-за опасения повтора событий 1918-1923 гг., было выселено 12 манапов. В Булоолунском селении Алай-Гульчинского района при аресте выселяемого манапа часть населения во главе с председателем сельсовета «... просили освободить его или арестовать и их», в Сумсарском и Шакаптарском сельсоветах Кызыл-Жарского района во время ареста выселяемых манапов население обезоружило милиционеров, окружили проводящего операцию уполномоченного ОГПУ и потребовали освобождения (13). Эти факты

являются свидетельством того, что в течении более десяти лет правления большевики не смогли естественным путем разрушить не только родовую структуру, но и нарушить традиционное коллективное мышление и межличностную солидарность сельского населения и внести существенный разлад между социальными группами на основе имущественного и политического положения членов общества.

С 1929 года на повестку выдвигается ликвидация наряду с бай-манапами также и «...социально-политической группы крестьян, сконструированной по идейно-политическим критериям для устранения потенциальных и реальных противников власти в деревне» (14) – кулаков. СредАзбюро ЦК ВКП(б) дает партийной организации республики категорическую установку «...оказывать помощь бедноте и решительно развернуть борьбу против кулацких элементов аила и села» (15). Усиливается муссирование этой опасности в периодической печати, только за три месяца 1929 года в республиканских газетах было опубликовано более двадцати статей, рассказывающих об антигуманной сущности мнимого врага, его преступных планах и призывающие к консолидации бедноты и батрачества для борьбы с этим носителем зла (16).

Образ «врага» постепенно становился многогранным и, расширяясь, захватывал все новые персонажи, при этом сознательно преувеличивались угрозы со стороны уже не существующей, окончательно вытесненной ранее из политической и социально-экономической арены социальной группы – манапов. Думаем, что на поиск и разоблачения «врагов» нацеливала свою аудиторию и разветвленная система политико-просветительных учреждений (Красные юрты, избы читальни, клубы и пр.) и партийного просвещения (17). В существующих средних специальных учебных заведениях как самостоятельная дисциплина преподавался

предмет «История классовой борьбы» где учащимся, наряду с основной специальностью, предполагаем, прививались и навыки бдительности по отношению к «врагам»(18).

Согласен с утверждением Г. Доброноженко о том, что «...после официально провозглашенного в конце 1932 г. завершения политики «ликвидация кулачества как класса» в программно-политических документах 1933-1934 гг. конструируется новый образ «классовых врагов» в деревне, которые не исчезли, а лишь изменили свое «классовое лицо. Помимо еще «недобитого» кулака», появились «новые враги», выступающие против экономической политики власти. «Новыми врагами» в деревне объявлялись единоличники, не выполняющие государственных заданий и занимающиеся «спекуляцией», «бывшие колхозники», исключенные из колхоза за «вредительскую, подрывную работу». Изменилась и трактовка «политической лояльности» власти: если в начале 1930-х годов – это главным образом готовность вступить в колхоз, то теперь – безропотное выполнение государственных заданий и повинностей.

Новая характеристика «классовых врагов» и тактики его борьбы против советской власти определила особенности социальной политики государства. Репрессии в деревне в 1933-1936 гг. были направлены не только на ликвидацию крестьянских хозяйств, официально объявленных «кулацкими», но и ликвидацию оставшихся в деревне хозяйств единоличников»(19).

В ходе исследования проблемы мы пришли к выводу, что из-за чрезмерной бесчеловечности и проведения в принудительной форме мер по социалистической реконструкции народного хозяйства, жизни и быта населения, попытки большевиков возвести ксенофобию в ранг мировоззрения основной части населения в рассматриваемые годы потерпели неудачу.

Партийно-советское руководство, навязывая ксенофобию в основном в директивной форме, само же расправлялось со своими жертвами. Основная часть населения сочувствовала жертвам, но из-за страха репрессий, лишь молча наблюдала за происходящим произволом. Социальной паранойи, как того хотели большевики, не было.

Методы исключения объектов ксенофобии: Экономические, фискальные и репрессивные санкции.

Лишение избирательных прав

Отказавшись от «красного террора» эпохи Гражданской войны, власть в годы НЭПа перешла к устранению социальных групп и слоев, которые она полагала для себя потенциально враждебными – лишением избирательных прав. Являясь воплощением идеологии ксенофобии, с отказом от НЭПа эта мера усилилась. Если в перевыборную кампанию в местные советы в 1925-1926 годах по всему югу Кыргызстана были лишены права голоса только 970 человек (20), то в ходе перевыборной кампании 1928-1929 годов количество лишенных права голоса было доведено до 12,569 человек при 233,302 избирателях. По Республике в этом году было лишено права голоса 29,058 человек (21). В пункте 15 Инструкции о выборах зафиксировано более 26 категорий лиц, которые могли быть лишенными избирательных прав (22).

Содержание инструкции давало возможность произвольного толкования многих ее положений, сельские советы, на 77 % состоящие из бедняков и батрачества (23), составляя списки лишенцев, могли по-своему интерпретировать правовые нормы и включать в списки лишенных избирательных прав любого, кто казался им «классовым врагом». К тому же, местные советы в большинстве своем состояли зачастую из совершенно безграмотных дыйкан и скотоводов – в 1929 году процент неграмотных ее членов

составляло по Республике в целом 44%, доходя в некоторых местностях до 76% (Узгенский район Ошского округа) (24). Также особенности социально-экономического характера определяли довольно высокий удельный вес населения, считавшегося со второй половины 1920-х и в 1930-е гг. «нетрудовым». В социальном плане состав населения Юга Кыргызстана характеризовался относительно высокой долей пригородно-сельского зажиточного населения и значительной долей торговцев в городах и крупных селениях (25). Эти черты были порождены условностью критериев классового деления сельского населения, традиционной торговой и посреднической функцией некоторых городов (Ош, Узген), их перевалочно-торговым значением (из Китая в соседние Республики и обратно) и спецификой реализации новой экономической политики в южном регионе (стимулирование роста посевных площадей высокодоходной технической культуры – хлопчатника и активная торговля с соседними регионами продукцией скотоводства). Занятия населения, связанные с указанными обстоятельствами и определявшие социальный состав, в наибольшей степени повлияли на высокий, в сравнении с общереспубликанскими показателями, удельный вес «лишенцев». Так, в 1928-29 годах по Республике было лишено избирательных прав, как прибегающие к наемной силе, всего 4098 человек, в том числе по Югу 1911, как торговцы – 5420 человек, в т.ч. по Югу 1966, как священнослужители – 1933 человек, в т.ч. по Югу 968 (26). Произвольное толкование требований инструкции позволяло включать в список лишенцев всех торговцев, посредников – традиционных для южных рынков при торговых сделках (далдалчи), ремесленников – мастеров декоративно-прикладного искусства (зергеры, ковровщицы, вышивальщицы), кустарей и сельских старост (аксакалов, пятидесятников).

Как свидетельствуют документы, из-за расширительного толкования Инструкции о

выборах и из-за с каждым годом усиливающейся антирелигиозной пропаганды, все, кто в какой-то форме имел отношение к религиозному вероучению и традиционной медицине (табибы) подлежали лишению избирательных прав и стали жертвами последующих политических репрессий. Вместе с лишением права голоса человек терял и другие права и возможности пользоваться теми или иными социальными благами, их не брали в колхозы, они не могли стать членами кооператива, запрещалось обслуживать их в торговых ларьках, при налогообложении облагались в индивидуальном порядке по завышенным в десятки раз ставкам, обязаны были платить разного рода сборы и привлекались к выполнению государственных повинностей (по ремонту дорог, ирригационной сети, перевозке грузов, заготовке фуража и пр.). При заготовке сельскохозяйственной продукции им полагалось выполнять так называемые «твердые задания», размер которых были гораздо выше чем у обычных крестьян (более подробно ниже... Т.М.). Кроме того, они не могли брать у государства ссуды, пользоваться социальными гарантиями при утере трудоспособности, возникали серьезные проблемы и при передвижении по стране, детей не принимали в учебные заведения. Они превращались в изгоев и подвергались дальнейшим репрессиям.

Таким образом, в ходе перевыборной кампании 1928-29 гг., совпавшей по времени с принятием радикальных мер по слову НЭПа по всему СССР, усилиями опричников сталинской власти в Республике было положено начало вытеснению из социально-экономической и политической жизни сельского общества наиболее дееспособной части населения.

Немало лишенцев пыталось обжаловать принятые в отношении них меры. Например, по Жалал-Абадскому району были лишены права голоса 1404 человек, после рассмотрения жалоб в апреле – мае

1930 года было восстановлено 475. Оставалось 919 человек, в том числе кулаков 237, торговцев 57, представителей духовенства 77, бывших служащих полиции 5 человек. Такая же картина наблюдалась по другим районам (27). С 5 мая по 10 июля 1930 года от граждан поступило 3432 жалоб на необоснованное лишение избирательных прав, восстановлены в правах 1122 человек (30% поданных жалоб).

Восстановление в правах, как правило, сопровождалось достаточно унижительными публичными ритуалами. Например, священнослужителям приходилось публично отречься от духовного сана, ради восстановления в правах люди отказывались от членов своей семьи, от собственного прошлого, порой шли на откровенную ложь и подкуп должностных лиц, зачастую сельский актив, от которых зависело принятие положительного решения. В фондах Ошского облархива сохранены многочисленные жалобы дыйкан, скотоводов, мелких торговцев, кустарей и других слоев населения, в подавляющем большинстве которых упор делался не на само лишение прав, а на сопутствующие дискриминационные меры: обложение индивидуальным налогом, дача твердых заданий и наложение штрафов, взимание сборов, раскулачивание, исключение детей из школ и т.д. (28).

Разбором жалоб и восстановлением в избирательных правах занимались различные учреждения: сельские советы, районные и окружной исполкомы, ЦИК Республики. Были также и жалобы, адресованные ВЦИК СССР, разборы занимали очень много времени и в большинстве случаев оставались неудовлетворенными.

Как показывает содержание ознакомленных архивных документов и все последующие кампании по перевыборам продолжали проходить

в духе преподанных свыше установок о дальнейшем «обострении классово-борьбы», поиска врагов и сопровождались нарушениями элементарных прав человека. В ходе отчетно-перевыборной кампании 1934 года количество лишенных избирательных прав составило по Республике 29,154 человек, в т.ч. 9178 лиц, прибегающих к наемному труду, 2063 лица, живущих на нетрудовые доходы, 1536 частных торговцев, 970 служителей религиозных культов, 2978 бывших служащих и агентов полиции, 1719 членов семей (старше 18 лет), находящихся на иждивении лишенных избирательных прав (29). Главными жертвами навязанной большевистской властью «борьбы» стали люди свободных профессий, мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, религиозные деятели и носители традиционных ценностей общества. Они были разорены, спущены вниз по ступеням социальной лестницы, заключены в тюрьмы, отправлены в ссылку или расстреляны. В то же время документы свидетельствуют о том, что многие лишенцы в реальности достаточно лояльно относились к советской власти, воспринимая происшедшее с ними как результат некоей ошибки, и обращались с просьбами восстановить справедливость. Они не успевали разобраться с переменами в правящем курсе и быстро к ним приспособиться.

Анализ лишения избирательных прав как правовой нормы и его реализации на практике позволяет понять общий ход, направленность и тенденции ксенофобской политики власти и последующих за ней репрессий на Юге Кыргызстана в конце 1920х–1930-е гг. прошлого века. Рассматриваемая проблема также красноречиво характеризует сам стиль взаимоотношений власти и общества: гражданам приходилось самостоятельно догадываться, чего от них ожидают, и искать способы демонстрации всемерной поддержки режима. Впрочем, и в этом случае они не были полностью застрахованы от таких «неприятностей», как ложный донос или простая

ошибка ретивых исполнителей.

Только согласно Конституции СССР 1936 г. и Конституции Киргизской ССР 1937 г. все совершеннолетние граждане Республики, за исключением умалишенных и осужденных, получили право избирать и быть избранными (30).

Налогообложение

Задаче отчуждения и ликвидации зажиточных слоев сельского населения была подчинена и налоговая политика, которая сыграла едва ли не основную роль в драматических событиях и вообще в трансформации общества на рубеже 1920-1930 годов прошлого века.

Социальная структура сельских хозяйств определялась данными учета объектов обложения сельскохозяйственным налогом, размер уплачиваемого налога до 1928 года зависел только от реальных имущественных различий – количества земли, видов выращиваемой сельскохозяйственной культуры и поголовья скота в хозяйстве. Состоятельный крестьянин и скотовод платили налог больше других не потому, что считались баями или кулаками, а потому, что умели эффективно хозяйствовать и действительно были состоятельнее других (31). С 1928 года в облагаемый налогом доход были включены доходы от неземледельческих заработков, в директивном порядке и исходя из социальной принадлежности хозяйств начались устанавливаться нормы доходности сельхозкультур и скота (32). Применение классового принципа в налогообложении ужесточается с принятием на 1928-1929 налоговый год нового «Положения о едином сельхозналоге», по которому вводился новый порядок исчисления налога с единоличных хозяйств, «особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и нетрудовым характером своих доходов». Налог с таких хозяйств должен был

взиматься «от всех источников в соответствии с их действительной доходностью» и поэтому исчислялся в каждом отдельном случае, получив название «индивидуального обложения» (33). Индивидуальному обложению в подавляющем большинстве подвергались хозяйства, главы которых лишались избирательных прав в ходе перевыборных кампаний, но в то же время очень часто встречаются факты, когда индивидуальное обложение служило основанием для лишения права голоса даже без учета критериев, предусмотренных в соответствующем пункте означенного закона (34). Индивидуальное обложение повлекло за собой кратное повышение всех других платежей (самообложение, водный сбор, сборы на культурно-просветительные нужды, обязательные страховые платежи и др.) и обязывало к выполнению трудовых и натуральных повинностей.

Разорению и дальнейшей ликвидации зажиточных хозяйств способствовало применение санкций, предусмотренных в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 28 июня 1929 года «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов и в отношении задолжников по налогу» (35). На местах стали широко применяться методы администрирования, насилия и репрессии.

Несмотря на огромные усилия по увеличению количества индивидуально облагаемых до установленных контрольных цифр, по Югу Кыргызстана в 1929 году было выявлено и обложено в индивидуальном порядке 1977 хозяйств (36), что составляло около 1,88% всех хозяйств Ошского округа. Если принять во внимание, что среднее количество членов семей дыйканских и скотоводческих хозяйств (всего по округу 105,224 хозяйств в 1929 году) составляло в среднем 4,24 человек (и учитывая, что членов в состоятельных семьях по объективным причинам было гораздо больше), можно полагать, что тяжесть обложения в

этом году повлияла на социально-бытовые условия около 10 тысяч граждан (исчисления произведены исходя из данных о направлениях хозяйственной деятельности и социально-экономическом облике хозяйств в округе) (37). Своеобразное разрешение на искажение налогового законодательства было дано в циркуляре Народного Комиссариата Финансов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (НКФ РСФСР), выписку из которого Народный Комиссариат Финансов (НКФ) Киргизии разослал на места в октябре 1929 года. Согласно циркуляру, рекомендованный Инструкцией по сельхозналогу размер облагаемого дохода в 500 рублей в качестве признаков для отнесения хозяйств к категории облагаемых в индивидуальном порядке являлся для некоторых местностей слишком высоким и не давал возможности привлечь к обложению в таком порядке все те «...кулацкие хозяйства, которые по существу должны были бы облагаться в этом порядке». В нем было разъяснено, что, рекомендованный Инструкцией в качестве признака для обложения в индивидуальном порядке доход является лишь ориентировочным, и что при установлении этих признаков места должны учесть все местные особенности и применить такой размер дохода, который давал бы полную возможность привлечь исчерпывающим образом к индивидуальному обложению все хозяйства, считающиеся в данной местности наиболее богатыми (38).

Это означало, что при отнесении хозяйств к категории кулацких, не обязательно соблюдать критерии, установленные законодательством СССР (39). Был открыт еще больший простор для «выявления» новых «кулаков», количество индивидуально облагаемых старались доводить до нужного показателя, механически включая в их число «лишенцев» и представителей духовенства. В 1929 году НКФ КАССР нацеливает свои органы на местах «...провести специальную работу по выявлению доходов служителей культа (мулл) для

обложения в индивидуальном порядке», а в марте 1930 года дается прямое указание что «служители культа, проживающие в селе, независимо имеют ли они связь с сельским хозяйством или не имеют, облагать сельхозналогом в индивидуальном порядке» (40). Если на 15 сентября 1929 года, до отправления НКФ РСФСР вышеназванного циркуляра, общее количество выявленных и обложенных сельхозналогом в индивидуальном порядке по республике составляло 3186 хозяйств, то на 1 декабря 1929 года их количество было доведено до 4668, а сумма налога, взысканная с довыявленных кулацких хозяйств за эти два с половиной месяца составила более 2 млн. 30 тысяч рублей (41). С 1977 кулацких хозяйств, составляющих 1,88% от общего количества хозяйств Ошского округа, на конец ноября 1929 года было взыскано почти 23% всех налогов и сборов (42).

Почти во всех документах партийно-советских и финансовых органов содержатся предупреждения местным властям, чтобы в число индивидуально облагаемых не попали середняцкие и бедняцкие хозяйства. Поскольку количество реально существующих «кулацких» хозяйств не доходило до установленных директивами Центра, предупреждения Республиканских органов о недопущении перегибов в обложении налогом перечеркивались категорическими указаниями довести их количество до контрольных цифр. В решениях партийно-советских и хозяйственных органов наблюдается стремление к смазыванию различий между кулацкими и зажиточными хозяйствами, которые облагались налогом по повышенным процентным ставкам и не подлежали индивидуальному обложению (43). Если в 1928-1929 налоговом году обложение в индивидуальном порядке вызвало резкое переобложение и разорение наиболее зажиточных хозяйств, то со следующего года в их числе оказывались и обычные хозяйства, нередко и бедняцкие (44). Из-за нажима сверху и по многим субъективным

обстоятельствам, учетные комиссии сельских Советов, не утруждая себя непонятными для большинства своих малограмотных членов исчислениями, вносили в список «кулацких» все хозяйства, считавшиеся «... в данной местности наиболее богатыми» (45), в их числе мог оказаться любой сельчанин: по результатам визуального осмотра, по доносу недоброжелателей о наличии скрытого имущества, по прихоти местного или под нажимом районного руководства. Из способа изъятия излишков дохода более богатой части населения, сельхозналог превратился в средство разорения и фактической ликвидации наиболее платежеспособных и крепких хозяйств. Насколько была низкой платежеспособность сельского населения в это время, свидетельствует то, что к весне 1930 года по Республике рост размера недоимок по всем видам крестьянских платежей составлял 497%, в том числе по Ошскому округу общая сумма недоимок составлял 1 млн. 300 тысяч рублей или более 40% общей задолженности по Республике.

Крестьянин, даже бедняк, опасаясь быть зачисленным в список кулацких хозяйств, не хотел и не мог эффективно использовать имеющиеся возможности для поднятия и развития своего хозяйства, производительный труд мог привести, вопреки здравому смыслу, к разорению. Отнесение к категории кулацких хозяйств приводило также к механическому увеличению других платежей и сборов, для уплаты которых у хозяев не оставалось никакого выхода, кроме продажи всего своего имущества, в противном случае это производилось в принудительном порядке наложением штрафов, описей и продажей имущества, главы хозяйств подвергались репрессиям. Исполнительное бюро Ошского окружного ВКП(б), рассмотрев итоги сельхозналоговой кампании 1929-1930 года, в апреле 1930 года отмечало, что по округу привлечено к индивидуальному обложению 1,9% хозяйств против установленных 2,5%, органам юстиции была дана жесткая установка усилить

репрессии в отношении должников (46). Вскоре по Араван-Буринскому району, упоминавшемуся в числе самых отстающих по выявлению кулацких хозяйств процент был доведен с 1,2 до 2,1% (363 чел.) (47). Такое же положение было по другим районам округа. Несмотря на требования, что «... кулаки должны быть выявлены полностью, не ограничиваясь списками обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке», не удавалось набрать ни препопанных на 1928/1929 год «до 3%», ни «не менее 3%» в 1929/1930 год, ни тем более «... 4-5%», установленных СредАзбюро и Киробкомом ВКП(б) на январь 1930 года (48). Согласно указанию Народного комиссариата финансов РСФСР, с переходом к сплошной коллективизации в районах, не входивших в их число, следовало увеличить количество кулацких хозяйств на 25-30%, что было учтено за 1929/1930 год. Был расширен перечень признаков для отнесения хозяйств к категории кулацких (49). Районным налоговым комиссиям дается указание подвергать обложению в индивидуальном порядке и те хозяйства, которые «... прибегли к самораскулачиванию в целях избежания обложения в индивидуальном порядке» (50). На 9 августа 1930 года по Республике числилось 3095 кулацких хозяйств, составляющих 1,5% от общего количества хозяйств, в том числе 1173 (1,3%) по Ошскому округу (51). На основании архивных документов можно проследить четыре важных этапа применения налогового законодательства в целях отчуждения, затем и ликвидации зажиточных слоев деревни в рассматриваемый период:

1. *Конец 1928-1929 годы:* Сельхозналог, из способа изъятия излишков дохода более богатой части сельского населения превратился в средство разорения и фактической ликвидации наиболее платежеспособных и крепких хозяйств. Путем обложения в индивидуальном порядке завершается ликвидация имеющихся в Ошском округе около 1% зажиточных хозяйств. Усиливаются

карательные меры в отношении ставших уже неплатежеспособными хозяйств. При обложении налогом наблюдается смешение понятий «кулак» и «зажиточный» и активные действия по индивидуальному обложению служителей религиозных культов;

2. *Январь-март 1930 года:* Политика «ограничения эксплуататорских возможностей кулачества», принадлежность к которому определялась по данным налогового учета, и проводимая до этого времени в основном экономическими методами, отбрасывается. В принудительном порядке изымаются и передаются наспех организованным колхозам имущество не только числившихся кулацкими, но и других состоятельных хозяйств, нередко и середняков. Безосновательное раскулачивание и выселение приобретает массовый характер;

3. *Вторая половина 1930-1932 г.:* Раскулачивание производится путем конфискации имущества уже разоренных непомерными налогами хозяйств. Учащаются констатации факта «утери кулака» и исчезновения середняка «... как центральной фигуры деревни» (52). «Как лица, живущие на нетрудовые доходы», в бесспорном порядке привлекаются к индивидуальному обложению и служители религиозных культов. Числившиеся ранее кулацко-зажиточными и уже разоренные хозяйства объявляются «... прибегшими к самораскулачиванию путем ликвидации признаков кулачества в целях избежания обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке» (53), что явится основанием для репрессий и выселения их за пределы Республики;

4. *1933-1936 гг.:* Налоговая политика, в частности индивидуальное обложение, превращенная в безжалостное орудие административно-командной системы, «...

обрушиваясь время от времени на отдельные хозяйства, держит всех в постоянном страхе. Как домоклов меч оно висело над каждым единоличником, служа постоянным напоминанием о главном «преимуществе» колхозной жизни: только она гарантировала от индивидуального обложения» (54).

«Твердые задания» по заготовке зерновых и хлопка

Ксенофобия была использована в оправдании жестких мер в решении производственных задач, что приводило к насилию не только в отношении отчуждаемых социальных групп, но и большинства трудового населения. Она являлась причиной ужесточения репрессий, вызывала ответные защитные реакции и увеличивала количество жертв. В этом можно убедиться на примере осуществления с 1929 года так называемых «хозяйственно–политических кампаний», основные из которых были приурочены к циклам сельскохозяйственного производства (кампании по заготовке хлеба, хлопка, мяса и пр.). Медленный ход или провалы всегда объяснялись как результат противодействия классовых врагов – тех, кто были отнесены к категории «чуждых».

Последствия отхода от принципов НЭПа при хлебозаготовках начали давать знать о себе на юге Кыргызстана с хлебозаготовительного сезона 1929 года. Были вновь реанимированы продразверстка, подворные обходы и обыски дворов подозреваемых в сокрытии хлеба. На дыйканские и скотоводческие хозяйства, главы которых были лишены избирательных прав и обложены сельхозналогом в индивидуальном порядке, начали налагать так называемые «твердые задания» по заготовке и сдаче государству урожая зерновых культур. «Когда достаточное количество отдельных личностей испытывает болезненную ненависть к какой-либо группе людей, они могут использовать те или иные инструменты,

направленные против этой группы исключительно по причине своего психологического состояния (хотя оправдания могут быть всякими). И, конечно, основным инструментом является насилие. Однако, насилие всеми осуждаемо и, часто противоречит законодательству. Поэтому часто используется принятие каких-то превентивных мер – провокации, подставы, пропаганда, изменение законодательства – которые защищают ксенофобов от суда. Таким образом, социальная ксенофобия медленно, но верно ведет к ничем не оправданному изначально насилию» (55). Сельским Советам, о качественном составе которых было рассказано выше, в июне 1929 года было дано право наложения на хозяйства, не выполняющие задания, штрафов в административном порядке в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба с применением конфискации имущества. При отказе от сдачи хлеба или противодействии хлебозаготовкам, сельсоветы могли самостоятельно возбуждать в отношении виновников уголовное преследование по части 3 ст. 61 УК РСФСР (56). Село вступало в эпоху двойного гнета директивного планирования и бюрократического командования коммунистической партии, которая диктовала – где, что и как сеять, ухаживать и сколько собрать урожая. Все это привело к отрицанию необходимости учета элементарной агрономической целесообразности, особенностей климата и природных условий региона. На 1929-30 год Ошскому округу был преподан план заготовки 2 млн. пудов зерновых (32 тыс. тонн, при заготовке в предыдущем году 24 тонн.Т.М.) (57). При определении хлебозаготовительных планов цифры урожайности брались с потолка, как и сами задания. План был разверстан по всем районам и сельским советам округа. Столкнувшись с трудностями в выполнении плана, Ошский окрисполком в августе 1929 года просит Республиканские власти санкционировать постановление «О применении Декрета ВЦИК о самообязательстве селений и

кишлаков в сдаче хлебных излишков в зерновых селениях Жалал-Абадского, Узгенского, Базар-Курганского Наукатского районов» (58). О получении санкции свидетельствует содержание приказа, обязывающего райисполкомы округа «...немедленно применить декрет ВЦИК в разрешенных селах... Независимо всего беспощадно, подчеркиваю, беспощадно давите кулака, провести процессы в Жалал-Абадском, Узгенском районах на несдачу хлеба постановлениями сходов» (59). На сходы, где разверстывались по дворам «твердые задания» по заготовкам, допускались только бедняцко-батрацкая часть населения, и поскольку размеры заданий зависели от социального положения и материального состояния дыйкан, малоимущие слои кыштак и селений были заинтересованы в переложении основной части плана на плечи более состоятельных соседей, которые ранее оказывались в списках лишенцев, обложены налогом в индивидуальном порядке или платили налог по процентным ставкам (зажиточные). «Хлебные тройки», сотни уполномоченных партийных и советских работников, многочисленные комиссии содействия хлебозаготовкам, составленные из «активистов», принялись выколачивать из дыйкан и скотоводов повышенные задания, налагая штрафы, описывая и распродавая имущество, подвергая сопротивлявшихся аресту и лишению свободы. Имели место «доведения плана до середняцких и бедняцких дворов» и его разверстка по этим дворам в принудительном порядке, продажа середняцких хозяйств, подворные обыски. С этого времени на селе стали активно насаждать доносительство, тем, кто сообщал о скрытом хлебе, полагалось 25% стоимости обнаруженного (60).

Требования окружкома ВКП(б) подталкивали к усилению репрессивных мер и обострению социальной обстановки, в них настоятельно подчеркивалось, что «...особенно непримиримой должна быть позиция районных троек и уполномоченных в отношении зажиточных

хозяйств. В отношении их должны применяться самые суровые меры взыскания вплоть до ареста, описывания имущества и предания суду. Хлеб зажиточных хозяйств должен быть собран в первую очередь, установив для них самые минимальные сроки...» (61). Киробком пытался держать в поле зрения вопросы руководства наступлением на кулачество, подчеркивая в своих указаниях «...важность хлебозаготовок как политической кампании» и требуя, что в период хлебозаготовок основной политической задачей парторганизации является усиление внимания к борьбе с кулаком, нажим на кулаков в хлебозаготовках в основном должен выразиться: в организации широкой бедняцко-средняцкой общественности против всяческих попыток кулаков к срыву хлебозаготовительной кампании, в разоблачении этих попыток и вскрытии их истинного смысла и значения (62). Не отставал и Народный Комиссариат Земледелия (НКЗ) Республики, указывая аграр работникам, что задача дать государству 6400 тысяч пудов зерна вызывает необходимость форсированного наступления на те элементы аула, кишлака и деревни, которые оказывают сопротивление хлебозаготовкам путем усиления влияния на середняка, срыва хлебозаготовительных планов (63). Последствия не заставили долго ждать, начался разгул беззакония и насилия в отношении не только «кулаков» и зажиточных, но и бедняков, имеющих в своем хозяйстве посеы зерновых (64). Заданиями по заготовке зерновых были обложены также хлопководческие и скотоводческие хозяйства. В расчет принимался лишь спускавшийся сверху план, а не реальные хозяйственные возможности хозяйств. Выгребали начисто все, не оставляя даже на пропитание и семенник, скотоводы вынуждены были выполнять задания, распродавая свой скот (65). Соответствующие статьи УК РСФСР делали возможным привлечение к судебной ответственности всех, кто так или иначе оказывался в числе заподозренных в укрытии хлеба, противодействии заготовкам

(ст.61), злостном саботаже и спекулянтстве (ст. 107, 131 и др.), таковыми объявлялись и все лица, отказывавшиеся продавать хлеб по твердым государственным ценам (в 4-5 раза ниже рыночных). Особенно часто эти статьи применялись в основных хлопко и хлебосеющих районах (66). В октябре 1929 года власти попытались как-то упорядочить процесс раскладки планов заготовки зерновых между хозяйствами, но репрессивный характер в отношении «кулацких» и зажиточных хозяйств был оставлен прежним (67). По признанию руководства Ошского окрисполкома, хлебозаготовки 1929 года стали главной причиной возобновления басмачества осенью 1929 года, а в резолюции пленума партийной организации округа было отмечено, что появление «басмаческих шаек» в районах округа «...есть возрождение сопротивления классовых врагов» (68).

В декабре 1929 года Среднеазиатский Экономический Совет (СредАзЭКОСО) рекомендовал Советам Народных Комиссаров республик издать постановления, предоставляющие райисполкомам и сельским советам право налагать в административном порядке на злостных неплательщиков хлопка денежные штрафы до пятикратной стоимости несданного количества сырца. Наряду с этим применять в отношении злостных неплательщиков из среды байских элементов привлечение к строгой судебной ответственности в порядке показательных процессов, с конфискацией имущества и высылкой из пределов округа. Впервые официально поставлен на повестку дня руководителей хлопкосеющих районов вопрос об обыске дворов всех подозреваемых в сокрытии хлопка (69). Идея «врагов» в лице «укрывателей хлопка», «саботажников хлопкозаготовок», «противников хлопковой программы» служила для объяснения нереальности выполнения преподанных свыше планов, для власти она являлась настоящим спасительным кругом и потому формировалась с гигантским размахом.

Рекомендации СредАзЭКОСО были приняты к руководству в постановлении СНК КАССР от 3 января 1930 года «О реализации урожая и погашении авансов» (70). О ходе поиска мнимых врагов, начале разгула беззакония и репрессий в отношении хлопкоробов свидетельствует резкий рост количества осужденных по Араван-Буринскому району (71).

Киробком ВКП(б), обвиняя окружком партии в правом уклоне, указывал, что партийная организация и советский аппарат округа «... не произвели еще достаточного нажима на кулацко-зжиточную часть аула и кишлака, в руках которого находится не менее половины незаготовленного хлопка» и предлагает провести вторую массовую проверку, конфисковать имущество и предать суду не выполнивших планы. Предписано в каждом районе организовать тройки по реализации хлопка в составе представителей прокуратуры и ГПУ, которым предоставлялись право внесения решений об аресте и конфискации имущества кулаков и зажиточных. Сообщающим о скрытом хлопке полагалось заплатить 15% стоимости обнаруженного (72). Весь громадный партийно-советский и кооперативный аппарат был приведен в действие. С этого времени обыски домов, конфискации всего того, что содержит в себе хлопок-сырец (одеяла, халаты и пр.), облавы на базарах, штрафы, конфискации имущества за невыполнение заданий, заключения в тюрьмы за невыполнение станут одной из повседневных мероприятий властей (73). По признанию председателя правления Киргизского Союза сельскохозяйственных хлопководческих товариществ (Кирпахтасоюз) Морина «... даже в результате массовых самопроверок, обхода дворов и полей, репрессивных мер по отношению к кулацким элементам и злостным неплательщикам», не удавалось выполнить план заготовок хлопка-сырца (74). Открыто заявлять о том то, что планы не реальны и не отвечают действительным возможностям хлопкоробов,

означало, что не правы вышестоящие инстанции. Для опричников Сталина гнобить свой народ было предпочтительнее, чем оказаться в немилости у своего вождя.

Архивные документы дают полное основание заявить, что установки СредАзбюро ЦК ВКП(б) и Киробкома ВКП(б) об увеличении количества кулацко-зажиточных хозяйств до 3% в 1929 г. и до 4-5% с осени 1930 года вытекали из необходимости выполнения основной части заготовок сельскохозяйственного сырья за их счет путем дачи твердых заданий. Например, по Араван-Буринскому району в 1930 году (по состоянию на 11 января 1931 г.) колхозами (5890 членов) было сдано 2958,8 тонны хлопка, на каждого колхозника приходилось по 502 кг, «кулаками и зажиточными» (178 чел.) было сдано 370 тонн, на каждого приходилось по 2079 кг. За невыполнение твердых заданий, кроме судебного преследования, на кулаков и зажиточных был наложен штраф в размере 71 тыс. руб. и конфисковано имущество у 16 хозяйств. По хлебозаготовкам: по состоянию на 5 декабря 1930 года колхозы сдали 3120,80 центнера, на каждого колхозника приходилось по 52,9 кг, «кулаки и зажиточные» (96 чел.) заготовили 1335,02 центнера, на каждого приходилось по 1390,6 кг. За невыполнение плана наложено штрафа на 10 хозяйств на 2434 руб. 73 коп. Всего по району за невыполнение твердых заданий в этом году было оштрафовано (кроме осуждения по суду) 36 хозяйств на сумму 69 тыс. рублей, конфисковано баранов 225 голов, верблюдов 20, крупного рогатого скота 25 голов, мельниц 2. В 1931 году более 10% плана хлебозаготовок района (34040 центнера) должны были выполнить «кулацко-зажиточные» хозяйства (3800 центнера). За невыполнение плана в этом году было конфисковано имущество 61 хозяйств, оштрафовано 2. В 1932 году колхозы уплатили в виде сельхозналога 115 тыс. 200 рублей, на каждого колхозника приходилось по 24 рублей налога. В то же время каждое кулацкое хозяйство

платило в среднем по 600 рублей. В 1933 году – по 1033, в 1934 году – 1090 рублей. Сумма налога с колхозников в указанные годы оставалась в пределах 24-25 руб (75).

Еще более суровые испытания ждали «кулацко-байских элементов» и вообще всех хлопкоробов южных районов Кыргызстана в последующие годы, когда планы заготовок были повышены до предельно невозможных размеров, и давались задания увеличить количество кулаков и зажиточных. Репрессивные меры более жестче стали применяться в отношении и единоличников, начались чистки колхозов от «подкулачников». Непосредственный контроль за ходом репрессий и уборки урожая после упразднения округа стали осуществлять уполномоченные из Центра и Среднеазиатских партийно-хозяйственных организаций (76). Искусственно раздуваемая классовая борьба, переплетаясь с борьбой за хлопок, все более принимала бесчеловечные формы, выявление новых «кулаков» и «подкулачников», дача им завышенных твердых заданий, репрессии в отношении неспособных выполнить нереальные задания, превратились в одну из основных задач партийно-советских и карательных органов. В хлопкоуборочную кампанию ежегодно, начиная с сентября месяца, на территории хлопкосеющих районов работали выездные сессии судей в составе одного судьи, народного следователя и милиционера с задачей «... провести показательные процессы в отношении кулаков и зажиточных, не сдающих урожай согласно графику» (77).

Если раньше возникающие сложности в успешном проведении посевных, хлопка и хлебозаготовок объяснялись подрывной деятельностью бай-манапских, кулацко-зажиточных элементов, вредителей из числа работников кооперативных организаций и партийно-советских органов, то после объявления Центром о завершении ликвидации кулачества, с 1933 года стали

указывать на крестьян, попавших под влияние «недобитых» кулацких элементов. Образ «врага» был необходим, с одной стороны, для списывания на его происки просчетов руководства, провалов в сельскохозяйственном производстве, неэффективной работы коллективизированных хозяйств и объяснять трудности повседневной жизни (дефицит продовольствия, предметов быта и пр.), с другой стороны, чтобы держать массы в социальном напряжении и легче расправиться с инакомыслием, подавить возможные попытки сопротивления со стороны недовольных политикой государства. Единственным доказательством вины жертвы являлось его принадлежность к сконструируемому, исходя из конкретных обстоятельств, образу «врага».

В условиях складывавшегося тоталитарного режима вытеснение религиозного сознания атеистическим было возведено в ранг важнейшей партийно-государственной задачи. Оно проводилось в крайне примитивной, жестокой и варварской в отношении культовых зданий форме. По Республике с 1918 г. по 1932 год было закрыто всего 219 мечетей и церквей, 63 молитвенных домов и 16 учебных заведений. Были снесены здания 12 мечетей и 4х церквей – ценнейшие памятники истории, архитектуры и зодчества населения края. К 1 апреля 1932 года 170 объектов культа были переоборудованы и использовались в других целях, 106 стояли неиспользованными и неухоженными, что приводило к постепенному их разрушению. По неполным данным из 9ти сельских советов Базар-Курганского района, из закрытых в указанные годы 59 мечетей, 16 были закрыты в 1929-1930 годы, 43 в последующие два года, 54 из них стояли неиспользованными, («... местные учителя отказываются в них учить детей» замечается в документе. Т.М.), только в двух были организованы школы и в трех были размещены кооперативы.

Воинствующий атеизм, взятый советской властью

за основу в практике партийной деятельности на местах, способствовал тому, что духовенство полностью было вытеснено из общественной жизни, верующие боялись ходить в мечети или признаваться в религиозности. Как пример можно привести Уразбековский район, где в 1932 году из существующих 40 мечетей действовало только 23 с количеством верующих 433 человек, во всех отмечено отсутствие имамов. «...Когда на собраниях ставится вопрос о передаче зданий мечетей под школы или другое культурное учреждение, граждане воздерживаются, никто ни за ни против...» – отмечается в сообщении из района в секретариат ЦИК КАССР (78). Верующие опасались открыто выразить свой протест против закрытия мечетей.

Провалы «хозяйственно-политических кампаний» обуславливали усиление репрессий над «чуждыми». Характеризуя ход хлебозаготовительной кампании 1929 года окрисполком отмечал, что «...классовые противоречия в кишлаке достигли значительных размеров. Наряду с подъемом байско-кулацкой части, направленной на ослабление темпа хлебозаготовок, было констатировано повышение активности подкулачников, которые открытыми путями старались проводить влияние байства. В Ошском округе был проведен целый ряд показательных процессов над контрагентами в хлебозаготовках, которые дали значительный эффект» (79). Только по одному судебному участку (из 13ти), обслуживающему Араван-Буринский район, с сентября по декабрь 1929 года прошло 196 дел, связанных с хлебозаготовками. В январе-феврале 1930 года поступило еще 622 дел (80). В ходе одной из периодически проводимых выездных сессий суда в течении 8 дней января 1930 г. по четырем сельским советам Араван-Буринского района было рассмотрено 68 административных и уголовных дел (связанные с заготовительными кампаниями), осуждены к различным срокам лишения свободы 14 человек, конфискованы 5

голов крупного рогатого скота и 130 овец. В ходе выезда двух сессий в составе прокурора района, народных следователей, начальника милиции и милиционеров, с 1 по 8 ноября 1930 года в названном районе по ст.ст. 131 и 61 УК РСФСР были осуждены 28 «кулаков» и зажиточных. На конец 1930 года количество осужденных за невыполнение заданий по заготовке хлопка достигло по названному району 92 человек, в том числе 65 «кулаков и зажиточных» и 7 середняка. В ходе другой сессии суда, проходившей с 13 по 21 апреля 1931 года выяснилось, что в 7 сельсоветах (из 16ти) из 119 подлежащих осуждению «кулаков и зажиточных» 30 человек уже до этого были осуждены и сидели в тюрьме, 26 сбежали в дни подготовки к посевной кампании (81). Перед началом каждой кампании органам юстиции ставилась задача «... в каждом районе выбрать по несколько человек кулацко-зажиточной верхушки из числа злостных неплательщиков (и несдатчиков хлеба, хлопка, мяса, шерсти и пр. Т.М.), привлекая их по статье 131 УК (под эту и 61 статью можно было подвести любое дело, связанное с кампаниями. Т.М.), выступая в этих процессах в качестве обвинителей, требуя меру социальной защиты с конфискацией имущества, с последующим выселением из пределов Республики или округа» (82). С сентября по декабрь месяцы 1931 года по Жалал-Абадскому району за невыполнение твердых заданий были осуждены 243 «кулаков и зажиточных», за несоблюдение условий договоров контрактации 34 середняка, за очистку семян хлопка для использования в быту 7 хлопкороба, за халатность и бездействие в проведении хлопкозаготовок 48 человек – члены сельсоветов, правлений колхозов, бригадиры и уполномоченные. У 204 осужденных конфисковано имущество, 84 чел. приговорены к высылке после отбытия наказания. За этот же год по хлебозаготовкам были осуждены 216 «кулаков и зажиточных» и 12 середняков, к высылке после отбытия наказания 37 чел, у 130ти осужденных конфисковано имущество (83). В весеннюю

посевную кампанию 1932 года, за 20 дней апреля месяца по пяти районам южной Киргизии (Араван-Буринский, Жалал-Абадский, Узгенский, Базар-Курганский и Алай-Гульчинский) за невыполнение планов посева были осуждены к лишению свободы 315 «кулаков и зажиточных» (из них 147 человек успели сбежать до ареста) и 419 человек к высылке (84). Характеризуя отношение населения к происходящему, прокурор Республики так описывает один эпизод суда над группой «кулаков и зажиточных» в Жалал-Абадском районе: «... На показательном процессе, проведенном выездной сессией Главсуда с участием прокурора было установлено, что из 14 подсудимых, привлеченных по делу, 12 являются самыми влиятельными и крупными баями-манапами, у которых во время земреформы было отобрано много имущества и земли, и несмотря на это и на то, что и после этого они имели значительные хозяйства, все же твердые задания им не давались благодаря поддержке работников сельсовета. О громадном их влиянии говорит такой простой факт: когда их привезли на машинах к месту слушания дела, то ожидающие процесс дехкане, как по команде встали и снимали шапки, а их было около 500 человек» (85).

Производственной задаче и удержанию других в страхе служили также периодически проводимые чистки колхозов от «чуждых» элементов, бывшим колхозникам после «вычищения» вручались твердые задания по заготовке сельхозпродукции, имущество подлежало передаче в неделимые фонды колхозов. В 1931-1932 гг. по данным трех районов юга (Базар-Курганский, Наукатский, Кызыл-Жарский) было исключено из колхозов 389 человек. Из колхозов Араван-Буринского района в 1931 году были исключены 13 хозяйств, в 1932 году – 536, 1933 г. – 202, 1934 г. – 123 хозяйства, из колхозов Алай-Гульчинского района за 1933 год и до 20 мая 1934 года были исключены 270 хозяйств, из них 72 были раскулачены (86). В мае 1932 года из хлопковых районов юга Кыргызстана была

выселена вторая, специально организованная после 1929 года, большая группа «кулацко-байских» хозяйств (87). Анализ протоколов заседаний политпятерки при Араван-Буринском РК ВКП(б), заявлений выселяемых и ходатайств односельчан дают основания утверждать, что абсолютное большинство (149 чел., включая членов семей) были включены в список выселяемых лишь на основании подозрений и непроверенных доносов, остальные на основании социального происхождения (88). Другой документ дает еще более ужасающую картину происходящего – секретарь Киробкома ВКП(б) А.Шахрай в конце августа 1931 года, находясь в г.Ош обращается к второму секретарю СредАзбюро ЦК ВКП(б) Б. Семенову с просьбой сообщить подробности массового расстрела выселяемых из Ошского округа в г.Андижане: «На станции Андижан I в вагонах направлялись арестованные бай, мананы Алайской долины из Киргизии в количестве кажется 150 человек. При попытке к бегству по вагонам была открыта конвоем стрельба, в результате было убито 127 человек, привезены в Ош и зарыты...» (89).

Тюрьмы были переполнены осужденными и ожидающими суда заключенными. На 1 марта 1929 года в местах заключений Киргизии, рассчитанных на 830 человек, отбывали наказание 931 заключенных, в том числе 341 человек в тюрьме г.Ош и Доме заключения г. Жалал-Абад. Отмечается крайняя скученность, плохое питание и совершенное отсутствие медико-санитарного обслуживания. В октябре 1929 года в рассчитанной на 120 заключенных начальник центральной тюрьмы в г. Фрунзе отмечает, что «...начиная с 3 квартала прошедшего 1928-1929 операционного года (март-май 1929 г. Т.М.) число заключенных, несмотря на довольно частые этапные отправки, не только не снижалось, но, наоборот, возрастало, достигая в последнее время до 480 человек... На 1 октября число заключенных достигло 532» (90). В ноябре этого же года, вследствие

переполненности и из-за угрозы эпидемии в Ошской тюрьме, прокурор округа сообщает Народному комиссариату Юстиции (НКЮ) Республики об отправке части срочнозаключенных в концлагерь Постоянного Представительства Объединенного Государственного Политического Управления в Средней Азии (ПП ОГПУ) и ходатайствует 30 – 40 человек перевести во Фрунзе (91). В марте 1931 года в Центральной тюрьме количество осужденных, не включая находящихся на предварительном заключении, достигло 1238, Ошской тюрьме – 1100 человек. ОГПУ было предложено в срочном порядке вывезти 172 человек в концлагеря, 150 человек в сельхозколонию и закрыть Фрунзенскую тюрьму для приема новых заключенных. Более 80% заключенных Центральной тюрьмы в прошлом занимались земледелием, около 30% были в возрасте свыше 60 лет (92). В Жалал Абадском изоляторе, рассчитанном на содержание 40 следственно-заключенных, на 10 мая 1932 года содержалось 612 человек, в том числе 17 чел. приговоренные к высшей мере наказания – расстрелу. Проводивший обследование Ошского изолятора следственно-заключенных начальник следственно-политического отдела ОГПУ Республики Точильский в марте 1932 года отмечает, что в рассчитанном на 175 человек изоляторе на 13 марта содержится 1587 человек, «... скученность колоссальная, вшивость почти поголовная и в большом количестве». Часть заключенных болели брюшным тифом и цингой, питание было крайне скудным, медицинского обслуживания практически не было (93). В 1932 году все 6 тюрем Республики были реорганизованы в изоляторы, и все 14 мест заключения, рассчитанные на содержание 5050 заключенных, были превращены в следственные изоляторы, т.е. в места сбора для дальнейшего отправления осужденных в тюрьмы и концлагеря ОГПУ. «... Вполне закономерный рост количества заключенных, как результат обострения классовой борьбы, повелительно диктовал необходимость реорганизации существующих исправительно-

трудовых учреждений» подчеркивал народный комиссар юстиции Республики в квартальной сводке. В первом квартале 1932 года в следственных изоляторах содержалось 5632 человек и абсолютное большинство (как отмечается в документах - «до 94%») числилось за ПП ОГПУ в Средней Азии (94). С 1 января 1932 года по 1 марта 1933 года по делам, связанным с хлебозаготовками по Республике были осуждены 1990 человек, в том числе 56 к высшей мере наказания, за первое полугодие 1933 года только Главсудом Республики по этим же делам были осуждены 742 чел., в т. числе 232 к высшей мере наказания (95).

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Политика государства в отношении жертв ксенофобской политики сталинского режима

Тяжесть налогового бремени, принудительные заготовки, насилие и принуждение при коллективизации, попрание религиозных чувств населения, массовые репрессии – все это вело к перерастанию пассивных, внешне «мирных» форм сопротивления насилию и беззаконию, в острые массовые выступления и возобновлению «басмачества» против коллективизации и раскулачивания, против Советской власти вообще. В Кызыл-Кийском, Ноокатском, Узгенском и Кызыл-Жарском районах, убежавшие от твердых заданий дыйкане и скотоводы с осени 1929 года начали оказывать вооруженное сопротивление хлебозаготовкам, в октябре вспыхнуло восстание в Кызыл-Жарском районе, сожжено здание Узгенского райисполкома, в апреле 1930 года на

территории Базар-Курганского района действовали 6 вооруженных групп, в мае «басмачами» был занят центр Алай-Гульчинского района (96). Активное вооруженное сопротивление продлилось до конца 1932 года. По обнаруженным данным, в ходе проведенной в начале ноября 1930 года массовой операции по изъятию участников басмачества и пособников, по югу Кыргызстана было арестовано 631 человек (не считая ликвидированных до этого вооруженных групп и добровольно сдавшихся в количестве приблизительно более 600 чел.). По справке Южнокиргизского Оперативного сектора Объединенного Государственного Политического Управления (ЮКОС ОГПУ) в 1932 году в ходе боевых операций было ликвидировано 17 вооруженных групп, убито 114 человек, 403 чел. были пленены во время боестолкновений, ликвидировано до вооруженного выступления 18 групп. 2771 чел. – мирные дыйкане и скотоводы были арестованы как пособники и бывшие участники басмачества. Отметим, что из общего количества убитых и арестованных только 627 человек имели при себе оружие, в большинстве своем охотничьи дробовики. Потери со стороны войск ОГПУ, милицейских и добровольческих отрядов составили убитыми 9 и ранеными 8 человек (97).

Другая часть жертв произвола откочевывали в труднодоступные горные участки, уходили на сопредельные Республики или эмигрировали в Китай. Архивные документы дают основание полагать, что вынуждены были бежать все, кто только имел возможность на это, включая и колхозников. Несмотря на предпринятые ОГПУ меры (широко разветвленная агентурная сеть в высокогорных и приграничных с Китаем районах, увеличение количества пограничников на заставах, периодически проводимые «изъятия» всех потенциальных беженцев, всемерная поддержка инициатив по созданию так называемых добровольческих отрядов и

пр.) побег с постоянного места жительства принимал массовый характер. В начале 1930 года из Алайской долины ушли 300 кочевых хозяйств, в июне 1930 года уполномоченный Киробкома ВКП(б) по Ошскому округу отмечает об эмиграции в Китай еще около 100 хозяйств, в июле из Ноокатского района в Китай ушли 49 хозяйств. В декабре 1932 года из приграничных селений Алайского района эмигрировали 170 хозяйств, за 1932 год и первый квартал 1933 года из пределов Кызыл-Кийского района откочевало на территорию сопредельной республики 1000 хозяйств, в ходе подготовки к посевной кампании 1933 г. только по двум сельсоветам Ноокатского района спаслись бегством от твердых заданий по посеву 197 хозяйств. Из других хлопкосеющих районов выбыли 532 хозяйств, в т.ч. 436 хозяйств из Жалал-Абадского района. К 20 декабря 1933 года на высокогорной зоне Кетмен-Тюбинского района находились 805 откочевавших из других районов хозяйств. В 1933 году отмечается еще большее усиление эмиграционного движения в приграничных сельсоветах Алай-Гульчинского района, организаторами которых, по замечанию секретаря Киробкома ВКП(б) Б.Исаеева являлись «...байско-манапские элементы, вычищенные из колхозов, высланные из района или осужденные судом». На территории Мургабского района Таджикистана в 1934 году находились откочевавшие в 1933 году до 600 хозяйств (98).

Проведенные административно-командным методом, в бесчеловечной форме так называемые «хозяйственно-политические кампании» и массовая коллективизация единоличных хозяйств, основным инструментом в осуществлении которых являлась ксенофобия, привели к тому, что сельские труженики «...утратили не только сознательную, но и инстинктивную потребность к труду...» (99). Земля лишилась наиболее рачительных, предприимчивых и опытных хозяев, шел процесс деградации традиционного дыйканского и скотоводческого

хозяйств. Абсолютное большинство дыйкан и скотоводов стали фактически «...поденщиками, не заинтересованными в конечных результатах своего труда» (100). Земледельцы-дыйкане стали рассматривать «... занятие хлопководством не как производство, необходимое для него, а как государственную повинность» (101). Только в 1935 году, через 6 лет после принятия трехлетней «Хлопковой программы», был собран урожай в объеме, предусмотренном на 1929-30 хозяйственный год (чуть более 40 тыс. тонн). Урожайность к концу первой пятилетки снизилась с 9,84 в 1927/28 г. до 6,7 центнера. Валовый сбор в объеме 124 тыс. тонн, сколько предусматривалось собрать в 1932 году, был достигнут только в 1962 году (102). Почти до 40-х годов не удавалось стабилизировать устойчивую урожайность основных сельскохозяйственных культур.

Последствия искоренения баев и манапов в скотоводческих районах существенно отразилось не только на структуре общества, но дало о себе знать и в экономическом развитии. Из учтенного в 1928 году 7715 тысяч голов скота, в 1934 году осталось только 2100 тысяч (103). Новая идеология, отрицая старую, не дала более ценного и устойчивого, чем религия, в сохранении нравственных устоев общества. Наоборот, под видом искоренения религиозности был нанесен непоправимый урон многим истинно народным, позитивным традициям, обычаям и ритуалам, составляющим основу самобытности народов, населяющих юг Кыргызстана.

Содержание архивных документов свидетельствует, что репрессии, как следствие ксенофобской политики большевиков, не находили поддержку у населения. Сельское общество, находящееся в постоянной взаимосвязи в процессе осуществления социально-культурных и экономических нужд, знало своих членов, и навязываемые властями ксенофобские установки не работали. В документах содержатся

многочисленные факты сочувствия и помощи раскулаченным и репрессированным «кулацким» и зажиточным хозяйствам не только со стороны рядового населения (в виде сбора денег для семей осужденных кулаков, временное укрытие соседями части имущества от конфискации, помощь в посеве и уборке урожая и пр.), но и некоторыми работниками судебно-следственных, налоговых органов и сельских советов (в виде отказа от вынесения приговора за невыполнение твердых заданий, отказа от поездок по выявлению новых кулацких хозяйств, укрытие от дачи твердых заданий и пр.). В рассекреченных документах также фиксируются многочисленные факты помощи населения «басмаческим» группам предоставлением продовольствия, обращения к ним за помощью в ответ на произвол сотрудников милиции и активистов, массовое участие в разгроме партийно-советских и кооперативных организаций в дни нападения «басмачей» на районные центры, отправление преследующих басмаческие группы отрядов ОГПУ по ложным следам и др (104). Исследование проблемы дает основания полагать, что в отличие от стран, радикально порвавших с тоталитарным прошлым, в Кыргызстане пока нет искренних попыток оценить и понять свое советское прошлое, чтить память невинных жертв ксенофобской политики коммунистического режима.

Как следствие, значительная часть населения по-прежнему остаются приверженными коммунистической идеологии и советским мифам. Напоминания о советском прошлом повсюду: все четыре административных района столицы Республики г. Бишкек продолжают носить имена большевистских вождей-ксенофобов (Ленина и Свердлова) и коммунистических праздников (Первомайский и Октябрьский); здесь же сквер и внушительного размера памятник «Павшим в борьбе за власть Советов», действует мемориальный музей красного полковника М.Фрунзе. В южнойтолице, в г.Ош, стоит самый

большой в Центральной Азии памятник Ленину, рядом мемориал с вечным огнем «Павшим в борьбе за установление советской власти». Единственный проспект в г. Ош носит имя последнего руководителя коммунистической партии Республики (А.Масалиев), 59 населенных пунктов одноименной области продолжают носить имена идеологов коммунизма Маркса и Энгельса, большевистских вождей (Ленин, Калинин, Тельман), красных командиров (Чапаев, Фрунзе) и заидеологизированных местных жертв сталинской политики «классовой борьбы» (Кычан Жакыпов, Уркуя Салиева и др.) (105). Кыргызстан остается единственной Республикой на постсоветском пространстве, где полностью сохранены статусы бывших коммунистических праздников. По данным опроса общественного мнения, проведенного международным исследовательским агентством «Евразийский монитор», среди постсоветских Республик Кыргызстан занимает первое место по количеству приверженцев коммунистической идеологии, образам и идеалам советской эпохи. В то время, когда в самой России 38% опрошенных негативно относятся к Сталину, в Кыргызстане они составляют лишь 11% (106).

Усиление в кыргызстанском обществе симпатий к претендующей на возрождение своего военнo-державного статуса России, постепенная передача ей контроля над стратегическими секторами экономики, вступление в Евразийское Экономическое Сообщество (ЕвразЭС), коррупция, переход всех ветвей власти, кадровой политики и ресурсов под контроль президента, внесение в Конституцию страны конъюнктурных поправок и др. убеждают в верности замечания политолога Е. Лёзиной о том, что «...Стремление замалчивать такие аспекты прошлого, как репрессии, геноцид, ослабляет демократический потенциал и снижает уровень демократической политической культуры. Как показывает опыт, посттоталитарные, поставторитарные общества, отрицающие или не дающие четкую оценку

прошлому, в котором имела место организованная государством система террора, имеют тенденции воспроизводить признаки своих режимов предшественников» (107).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Ксенофобия социальная [греч. *xenos* — чужой, *phobos* — страх] — особенность менталитета общества, которая проявляется в негативном отношении к социальным общностям или отдельным людям, воспринимаемым в качестве чужих и поэтому эмоционально неприемлемых, враждебных. В годы советской власти в менталитете общества формировалось навязчивое, а точнее навязанное состояние страха и ненависти к чужим. В образе врага выступали в разное время купцы, дворяне, священнослужители, «кулаки», а также представители многих партий и общественных движений. Будучи чертой менталитета советского общества, Ксенофобия социальная [далее также – «К. с.»] в сознании отдельного человека выражалась в подозрительности, уверенности во враждебных намерениях, оправданности санкций и репрессий, применяемых к ним, их неискренности и фальши, заведомом моральном преимуществе пролетариата по сравнению с представителями других классов. На разных этапах истории СССР феномен К. с. обретал различную идеологическую и административную форму. Понятие «враг народа» получило широкое распространение и произвольную трактовку. Усилиями репрессивного и пропагандистского аппарата в 30-40-е годы черты К. с. вошли в сознание многих советских людей...». http://psychology_lexicon.academic.ru; Солдатова, А. Макарчук. Ксенофобия как социально опасный феномен. <http://psyfactor.org/lib/xenophobia2.htm>

2. В первые годы Советской власти юг Кыргызстана входил в состав Туркестанской АССР (1918-1924), после проведения национально-территориального размежевания на этой территории были образованы две административно-территориальные единицы – Ошский и Жалал-Абадский округа (с декабря 1926 по декабрь 1928 г.- одноименные кантоны) в составе Киргизской

автономной области. В ходе перехода на районную систему, в конце 1928 г. Жалал-Абадский и Ошский округа были объединены в один Ошский округ. Ошская область. Энциклопедия. сс. 22-23. Гл. редактор Б.О. Орузбаева. Фрунзе, 1989.

3. Ошский Областной Государственный Архив (далее ООГА) фонд (далее ф.) 1, опись (далее оп.) 1, дело (далее д.) 338, лист (далее л.) 96. О включении Ошского округа в число округов, с которыми устанавливается непосредственная и постоянная связь. Телеграмма СредАзбюро ЦК ВКП(б). 19 февраля 1930 г.

4. Баи – богачи, имущий слой населения. Манапы – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время. Их главной обязанностью была защита интересов своего племени, рода и обеспечение жизнедеятельности и выживания своих подданных. www.classes.ru; el-sozduk.kg; slovari.bibliofond.ru.

5. Будянский Д.М. Земельно-водная реформа в Южной Киргизии (1927-1928 гг.). сс. 34-35, 40-41, 45, 114, 133. Фрунзе, «Кыргызстан». 1968.

6. Советский Киргизстан в документах 1917-1967. Сб. документов. Ред. коллегия Дж.С.Бактыгулов, Б.М. Зима, А.К. Каниметов, В. П. Шерстобитов. С. 214. Фрунзе, Издательство «Кыргызстан» 1983; Зеликов В. Печать – боевое оружие парторганизации в борьбе за победу колхозного строя (1928-1933 гг.). Ежегодный сборник статей. Выпуск IV, с. 179-180. Фрунзе 1967 г. 240 с. Институт истории партии при ЦК КП Киргизии – филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Издательство «Кыргызстан».

7. К 1926 году 90,7% населения старше 9 лет было неграмотным. Джунушалиев Дж. Кыргызстан: преобразовательные процессы 20 – 30х годов. Исторический анализ проблем созидания и

трагедий. с. 248. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктор исторических наук. НАН КР. Институт истории Кыргызстана. Бишкек, 1993 г.

8. Зеликов 1967 г., 193.

9. ООГА ф.1, оп.1, д.298, л.16. Докладная записка о политическом состоянии в бывшей Чаткальской волости в связи с возникновением басмачества. «...» ноябрь 1929 г.

10. ООГА ф.1 оп.1.д.192 л.309-312. Протокол №145 объединенного заседания ЦИК и СНК КАССР. Копия. 4 февраля 1929 г.

11. Центральный Государственный Архив Кыргызской Республики (далее ЦГА КР), ф. 21с, оп.16 д. 98 л.198 об. Доклад и.о. председателя ЦИК КАССР Жоломанова «О выселении бае-манапов (крупных скотоводов) из пределов КирАССР в1929 году». ...апрель 1929 г.; Там же...лл. 91-92. Обращение ЦИК и СНК «К батракам, беднякам и трудовым дехканам и скотоводам Киргизской АССР». 5 февраля 1929 г.

12. ООГА, ф. 1, оп.1, д. 192, л. 55. Ошскому окрисполкому, всем кантисполномам и РИКаам (районным исполнительным комитетам). 1 апреля 1929 г. Следует заметить, что это обещание, как и другие, не были выполнены. Неорганизованные выселения по приговорам судов, Особого совещания при ПП ОГПУ в Средней Азии осуществлялись и далее: См. там же..., Ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 39. Циркулярное письмо прокурора Ошского округа нарследователю 9го участка Юлдашеву. 30 декабря 1929 г.; Там же... ф. 79. оп. 1. д. 12. л. 29. Доклад прокурора Араван-Буринского района Дзугаева в Народный комиссариат Юстиции КАССР. 9 ноября 1930 г.; Там же... л. 156об. Докладная записка помощника прокурора Араван-Буринского района о поездке в Араванскую часть района. 22 апреля 1930 г.;

ЦГА КР, Ф. 21, оп. 1с, д.57, л. 44. Письмо ЦИК КАССР в ГПУ о заявлении административно высланного Султанова. «...» ноябрь 1930 г.; Там же... д. 434. л. 38. Телеграмма ПП ОГПУ в Средней Азии секретарю Киробкома ВКП(б) и начальнику ГПУ КАССР об аресте и отправке «злостных элементов деревни» в индивидуальном порядке; Там же... ф. 21с, оп.1, д. 112, л.270. Телеграмма Киробкома ВКП(б) в РК ВКП(б) (районный комитет ВКП(б) всех хлопковых районов. 27 сентябрь 1931 г.; Центральный Государственный Архив политической документации КР (далее ЦГА ПД КР) ф.10. оп.1. д. 365. л.38. Телефонограмма секретаря Базар-Курганского РК ВКП(б) начальнику Южнокиргизского оперативного сектора ОГПУ. август 1931 г.; Там же... д. 365, л. 46. Служебная записка секретаря Киробкома ВКП(б) Шахрая второму секретарю СредАзбюро ЦК ВКП(б) Семенову. 27 августа 1931 г.; Там же... д.363, л. 81. Протокол №2 заседания комиссии по делам кулачества, байства и манапства при СНК КАССР. 25 июля 1931 г.

13. ООГА ф.1, оп.1, д.298, л.16. Докладная записка о политическом состоянии в бывшей Чаткальской волости в связи с возникновением басмачества, ноябрь 1929 г.

14. Доброноженко Г.Ф. «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х - первой половине 1930-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктор исторических наук. 2010 Москва. <http://www.dissercat.com/content/kulaki-v-sotsialnoi-politike-gosudarstva/>

15. Резолюция V Киргизской областной конференции ВКП(б) «О работе с беднотой». 25 января 1929 г. Сборник документов «Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК». Часть I. 1924-1936. с.201. Киргизское Государственное издательство. Фрунзе 1958. 603 с.

16. Зеликов 1967 г., 240.
17. Джунушалиев Дж. Указанная работа, сс.315, 329 - 330.
18. ЦГА ПД КР ф.10 оп.1 д.433 л.154-159. Спецсводка №11 «О политнастроении учащейся молодежи и преподавательского состава в высших, средних и низших учебных заведениях». ОГПУ КАССР. 28 декабря 1932 г.
19. Доброноженко Г.Ф. Указанная работа...
- <http://www.dissercat.com/content/kulaki-v-sotsialnoi-politike-gosudarstv>
20. Чокушев Б. Классовая борьба в киргизских аилах (1918-1932 гг.). с. 76. Фрунзе. Илим, 1989.
21. ООГА ф.1, оп.1, д.37, л. 250. Сведения о лицах, лишенных избирательных прав по Ошскому округу. 26 декабря 1929 г.; Отчет о работе правительства Киргизской АССР за 2 года (март 1927 г.-апрель 1929 г.) 2-му Республиканскому съезду Советов рабочих, دهканских, крестьянских и красноармейских депутатов. с.19, г. Фрунзе, 1931.
22. ООГА ф.1, оп.1, д.1926, лл.4-10. «Инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов Советов» и разъяснения ЦИК Киргизской АССР «О дополнительных категориях лиц, подлежащих лишению избирательного права по местным условиям Киргизской АССР». Машинописная копия. «...» декабрь 1928 г.
23. ООГА ф.1, оп.1, д.148, л. 8. Информация о социальном составе сельских советов Ошского округа по итогам отчетно-перевыборной кампании 1928-1929гг. декабрь 1929г.
24. ООГА, ф. 1, оп. 1, д.297. Циркуляр Ошского окрисполкома. Всем Райисполкомам и Горсоветам Ошского Округа. Разъяснения по проверке списков лишенных избирательных прав. 20 октябрь 1929 г.
25. Бектурганова К. Возникновение и развитие колхозно-кооперативной собственности в Киргизии (1917 – 1932 гг.) с. 102, Фрунзе, 1964.
26. ООГА ф.1, оп.1, д.37, л. 250. Сведения о лицах, лишенных избирательных прав по Ошскому округу. 26 декабря 1929 г.; Малабаев Д.М. Укрепление Советов Киргизии в период строительства социализма (1917 – 1937). с. 386. Фрунзе. Илим, 1969.
27. ООГА, ф.1, оп.1, д. 398, л.5. Сведения об итогах проверки списков лишенцев по Ошскому округу на 5 мая 1930 года, Там же... л. 7. Сведения об итогах проверки списков лишенцев по Ошскому округу на 10 июня 1930 года. Там же...Ф.79, оп.1, д. 8. лл. 87, 249об. Протоколы заседаний комиссии по пересмотру списков лишенцев при Жалал-Абадском райисполкоме. 25 апреля, 28 мая 1930 г.
28. ООГА ф. 1, оп. 1, д.90, л. 27. Заявление от крестьянина селения Покровского в избирательную комиссию Ошского округа. 14 января 1929 г.; Там же...л. 33об. В ЦИК Киргизской Ресублики. Заявление Абдрахманова Жусупбека. 19 мая 1930 г.; Там же...д. 94, л.105, Ошский окружной исполком. Заявление от кустика одиночки Мирбабаева Якубкадыра. 12 февраля 1930 г.; Там же...лл. 6 – 11об.; Председателю Ошской окружной избирательной Комиссии от Золотарева Василия. 5 мая 1930 г.; Там же...ф.1, оп. 1, д. 397, лл. 26. В Ошский окрисполком, Заявление от служителя религиозного кустика Денисова Василия Ивановича. 16 декабря 1928 г. Там же...л. 27. Заключение юрисконсульта и резолюция окружной избирательной комиссии. 24 декабря 1929 г.; ЦГА КР, ф. 21с, оп.16с, д. 103, л.3. В Секретариат председателя ВЦИК. 13 апрель 1930 г.
29. Малабаев Д.М. Указанная работа...с. 408.

- 30.** Малабаев Д.М. Указанная работа... с.455.
- 31.** ООГА ф. 363, оп.1, д. 63. лл. 10-18, Информационные сводки НКФ КАССР, сообщения из кантонных финансовых отделов за апрель - июль 1926 г.; Там же...лл. 189-254. Протокол финансового совещания при НКФ КАССР. 10 май 1927 г.
- 32.** Отчет о работе правительства КАССР за 2 года (март 1927 г.- апрель 1929 г.) 2-му Всекиргизскому Республиканскому съезду Советов рабочих, دهقانских, крестьянских и красноармейских депутатов. с. 35, Фрунзе, 1929 г.
- 33.** Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1929 гг. с. 500. Под редакцией В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого, Москва, Политиздат, 1989, 525с.
- 34.** ООГА ф.1, оп. 1, д. 297, л. 249. Заявление. В Ошский окрисполком от гр. поселка Михайловка Жалал-Абадского района Рыбина Михаила. 20 декабря 1929 г.; Там же... д. 340, л. 23 – 35. Протоколы №3 и №4 заседания окружной комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев. 10, 21 апрель 1930 г.
- 35.** Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1929 гг. с. 509. Под редакцией В. П. Данилова и Н.А. Ивницкого, Москва, Политиздат, 1989, 525 с.; ООГА, ф 1, оп. 1, д. 238. «О применении декрета ВЦИК о самообязательстве селений и кишлаков в сдаче хлебных излишков». Постановление Ошского окрисполкома. 27 августа 1929 г.
- 36.** ЦГА КР, ф.10, оп.1, д.285, л. 31. Обзор состояния Ошской окружной парторганизации на 1 апреля 1930 г. по материалам, имеющимся в СредАзбюро ЦК ВКП(б).
- 37.** Там же, л. 44
- 38.** ООГА ф. 363, оп. 1, д. 161 л. 217. «О пересмотре установленных предельных размеров облагаемого дохода, служащих признаком для обложения в индивидуальном порядке». 10 октября 1929 г.
- 39.** Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1929 гг. сс.209 – 212. О порядке применения Кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах. Постановление ЦИК и СНК СССР 20 февраля 1929 г. Под редакцией В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого, Москва, Политиздат, 1989, 525с.; Там же... сс. 221 – 222. О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде. Постановление СНК СССР. 21 мая 1929 г.
- 40.** ООГА ф.363, д.161, л.162об. Циркулярное письмо «О результатах обследования Чуйского РИКа и по представленной информации Фрунзенского и Таласского кантонных финансовых отделов по проведению кампании по учету объектов обложения». 21 июль 1929 г.; Там же...л. 332. Постановление Республиканского совещания финансовых работников. 22-24 март 1930 г.
- 41.** Циркуляр Киробкома (Кировского Областного Комитета) ВКП(б), ЦИК и НКФ КАССР. Ошскому окружному, всем кантонным отделам финансов. 9 декабря 1929 г.
- 42.** ООГА, ф.1, оп.1, д.198.лл.51, 54. Конъюнктурный обзор сельского хозяйства Ошского округа. 25 декабрь 1929 г.
- 43.** ООГА ф.1, оп.1, д. 276, л. 106. «О дифференцированном авансировании посевов хлопчатника». Постановление VII пленума СредАзЭКОСО. 21-22 ноября 1929 г.; Там же..., лл. 22 – 23. О принципах построения Единого сельхозналога на 1930/31 год». Постановление Президиума СредАзЭКОСО. 30 января 1930 г.

44. ООГА, ф.363, оп.1, д.161, л.32 Циркуляр НКФ КАССР в Ошский Окружной финансовый отдел. 24 апреля 1929 г. Там же...л.445. Циркуляр НКФ КАССР в Ошский окружной финансовый отдел. 30 июня 1930 г.
45. ООГА ф.363, оп. 1, д. 161 л. 217. «О пересмотре установленных предельных размеров облагаемого дохода, служащих признаком для обложения в индивидуальном порядке». Циркуляр НКФ, 10 октября 1929 г.
46. ЦГА КР ф. 21, оп. 1, д. 38. Лл.117-122. Постановление исполбюро Ошского окружкома ВКП(б) «Об итогах сельскохозяйственной налоговой кампании 1929/30 года и перспективах проведения предстоящей налоговой кампании на 1930/31 год». 14 апреля 1930 г.
47. ООГА. Ф. 719, Оп.1, д. 61, Резолюция исполбюро Араван-Буринского РК ВКП(б) по итогам работы комиссии по выявлению кулацких хозяйств. 2 ноября 1930 г.; Там же...ф. 79, оп. 1, д. 12, л. 57. Сообщение в ЦИК и СНК КАССР «По вопросу о даче твердых заданий кулацким и зажиточным хозяйствам». 5 декабря 1930 г.
48. ООГА. Фонд 719, оп.1, д.61, л.86. Резолюция исполбюро Араван-Буринского РК ВКП(б). Протокол заседания от 8 ноября 1930 г.; Там же... л. 124. Резолюция исполбюро Араван-Буринского РК ВКП(б). Протокол заседания от 24 декабря 1930 г.
49. ЦГА КР ф.21, оп. 5, д.110, лл. 211 – 212. Постановление ЦИК и СНК Киргизской АССР «Об уточнении ст. 14 постановления ЦИК и СНК КАССР от 29 марта 1929 года «О проведении единого с/х налога в 1930/31 году». 22 сентября 1930 г.
50. ООГА ф.363, оп.1, л. 391. «О проведении кампании по сельскохозяйственному налогу 1930/31 г». Циркулярное письмо НКФ КАССР с разъяснениями о содержании постановления коллегии НКФ РСФСР. 26 марта 1930 г.
51. ЦГА ПД КР ф.10, оп.1, д.285, л.162. Информационное сообщение о ходе хозяйственно-политических кампаний по районам КАССР. «...» август 1930 г.
52. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. с.142 Фрунзе, 1991; ООГА, ф.719, оп. 1, д. 61, Протокол расширенного заседания исполбюро Араван-Буринского РК ВКП(б) и РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции). 15 ноября 1930 г.
53. ООГА ф.363, оп.1, л. 391. «О проведении кампании по сельскохозяйственному налогу 1930/31 г.». Циркулярное письмо НКФ КАССР о содержании названного постановления коллегии НКФ РСФСР. 26 марта 1930 г.
54. Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Журнал «Октябрь», 1990, №2, с. 172.
55. Кейтон С. Идея инклюзивности. <http://siri-keeton.livejournal.com/7394.html> прочитано 18 августа 2016 г.
56. ООГА, ф. 1, оп.1, д. 222, л. 427. «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». Постановление ВЦИК и СНК РСФСР. 28 июня 1929 г.
57. ООГА ф.1, оп.1, д. 238, л. 52, Тезисы для докладчиков о хлебозаготовках по Ошскому округу. Июнь 1929 г. По другим данным – 1 млн. 900 тыс. пудов. Там же... д. 299, л.42 «О хлебофуражном балансе на предстоящий год и подготовке к хлебозаготовкам. Резолюция заседания исполбюро Ошского окружкома ВКП(б). 21 июля 1929 г.

58. ООГА ф. 1, оп.1, д. 238, л.165. «О применении Декрета ВЦИК в сдаче хлебных излишков». Постановление хлебной комиссии окрисполкома. 27 августа 1929 г.
59. Там же...д, 238, л.168. Приказ №96 по Ошскому округу. 1 сентября 1929 г.
60. Там же...д. 299, л. 253, «Об усилении массовой работы на местах». Постановление исполбюро Округкома ВКП(б). 19 октября 1929 г.; Там же...л. 266, «О результатах проверки массовой работы Ошской партийной организации». Постановление исполбюро Оружкома ВКП(б) по докладу инструктора Киробкома ВКП(б) Камоликова. 25 октября 1929 г.; Там же...л. 274. «Об искривлении партийной линии в хлебозаготовках в Базар-Курганском районе». Постановление исполбюро Округкома ВКП(б). 13 ноября 1929 г.; Там же... д. 192. л. 307; Там же... д. 231, лл. 11-25.
61. Там же...д. 299, л.206, «О ходе хлебозаготовок». Постановление исполбюро округкома ВКП (б). 9 сентября 1929 г.
62. Там же...ф.1, оп. 1, д. 136, л. 83, «О ходе хлебозаготовительной кампании» Политписьмо №7. Ноябрь 1929 г. Исходя из содержания этого документа можно полагать, что указания такого же характера давались и в прежних письмах.
63. Там же...ф.305, оп.1, д. 635, л. 232, Агроработникам Киргизской АССР. Октябрь 1929 г.
64. ЦГА КР, ф. 145, оп. 1, д. 140, л. 26об, Информационные сведения по хлебозаготовкам НКЮ КАССР. 20 декабря 1929 г.
65. Там же...ф. 611, оп. 1, д. 128, Приказ №109 по Ошскому округу.20 сентября 1929 г.; Там же... ф. 79, оп. 1, д. 10-18. Заявления (Жапарова К., Мирахмедова С., Салимбаева, Кличева Т. с приложениями справок из сельсоветов) в Узгенский и Наукатский Райисполкомы о неправильной даче им твердых заданий по заготовке зерна. 14, 19 сентября, 9, 11 октября 1929 г.; Абдрахманов Ю, Указанная работа...с.124.
66. ЦГА КР, ф. 145, оп. 1, д. 185, лл. 126-126об. «О ходе дел, связанных с хлебозаготовками и недоимками по нарсудам Ошского округа». Доклад Наркомюсту СССР. 26 ноября 1929 г.
67. ЦГА КР, ф.21с, оп.1, д. 24. л, 515. «О дополнительных мерах по применению декрета ВЦИКа РСФСР «О самообязательствах села при хлебозаготовках». Постановление исполбюро Киробкома и президиума ОКК (Областная контрольная комиссия) ВКП(б). 2 октября 1929 г.
68. ООГА, ф.1, оп.1, д.370 л.15б. «О Предварительных итогах хлебозаготовительной кампании». Информационная сводка Ошского окрисполкома. 12 декабря 1929 г. (Также см. раздел 2.2.). Там же...д. 299, л. 320. Резолюция III объединенного пленума Ошского округкома и ОКК ВКП(б). 18 – 24 ноября 1929 г.
69. ООГА, ф. 1, оп.1, д.275, л. 163. «О мероприятиях по усилению реализации хлопка урожая 1929 года.». Постановление президиума СредАзЭКОСО. 25 декабря 1929 г. ООГА, ф.1, оп.1, д. 287, лл. 3-4. «О хлопковой программе округа в 1929-1930 г.Постановление III пленума Ошского окрисполкома. 6 декабрь 1929 г. ; «О перспективах развития хлопководства и контрольных цифрах хлопковых посевов на 1930 г.». Постановление II сессии ЦИК КАССР второго созыва. 21 декабря 1929 г., сс.126 – 127. Постановления сессий ЦИК Киргизии. Сб. док. 1927 – 1938. Под ред. В. Д. Самсонова..., Фрунзе, 1986.
70. ООГА, ф. 1, оп.1, д. 336, лл. 9-10.
71. Там же...ф. 62, оп. 1, д.3, лл. 41 – 42. Докладная записка. Прокурору округа от временно

исполняющего должность помощника прокурора Араван-Буринского района Юлдашева. 9 январь 1930 г.; Там же...ф. 79, оп. 1, д. 12 лл.71-71об. Докладная записка прокурора Араван Буринского района Дзугаева в НКЮ КАССР. 9 ноября 1930 г.; Там же...лл. 156-158об.; Там же...л. 60. Доклад зам. начальника Араван-Буринского районного административного отдела районному исполнительному комитету. 3 декабря 1930 г.

72. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 281, лл. 15- 16. О ходе реализации постановления СредАзбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по усилению реализации хлопка» от 26 января 1930 г. 30 января 1930 г.

73. Абдрахманов Ю. Указанная работа...сс.44, 136-137, 143.

74. ООГА, ф.1, д. 338 л.13. Докладная записка о ходе выполнения мероприятий по реализации хлопка-сырца по состоянию на 5 марта 1930 г.

75. ООГА, ф.79, оп. 1, л.57. Докладная записка Араван-Буринского райисполкома в ЦИК и СНК КАССР. По вопросу о даче твердых заданий кулацким и зажиточным хозяйствам. 5 декабря 1930 г.; Там же...ф. 2, оп.1, д. 45а, л. 14об. Отчет о работе Араван-Буринского райисполкома за 1929/1930 год. Декабрь 1930 г.; ЦГА КР. Ф. 21, оп. 9, д. 106, л. 16. О социально-экономическом положении Араван-Буринского района. Декабрь 1934 г.; ЦГА ПД КР, ф. 33. Оп. 1, д. 7, лл. 40-41-42. Доклад о работе Контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции Араван-Буринского района с 3-й по 4-й районной партийной конференции (с 25 апреля 1930 г. по 10 января 1931 г.); Там же... лл.10-11, 13-14. Доклад о работе Контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции Араван-Буринского района с 4-й по 5-ую партконференцию (с 15 января 1931 г. по 1 января 1932 г.).

76. ЦГА КР, ф.21, оп. 1, д. 24, лл. 442-443. «Задачи по осуществлению директивы ЦК ВКП(б) от 24/11-30 г. о хлопкозаготовках». Постановление исполкомиссии СредАзбюро ЦК ВКП(б). 24 ноябрь 1930 г.; Там же...лл. 333 – 335. «О дополнительных мероприятиях по форсированию заготовок хлопка на основе решения СредАзбюро ЦК ВКП(б) от 18.11.30 г.». Постановление бюро Киробкома ВКП(б). 21 ноября 1930 г.

77. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп.1, д.281, лл. 148 – 151 «О мероприятиях по реализации хлопка кулацкого сектора». Постановление СредАзбюро ЦК ВКП(б). 8 октября 1930 г.

78. ЦГА КР, ф. 21, оп. 7, д. 172, л. 40. Сведения о религиозных объединениях и молитвенных помещениях. 1 апрель 1932 г.; Там же..., л. 9. Сведения о молитвенных зданиях по Базар-Курганскому району. 1 марта 1932 г.; Там же..., лл. 22-23. Список религиозных обществ Узбековского района. Март 1932 г.

79. ООГА, ф.1, оп.1, д. 370, л.14 – 15. «Информация об итогах хлебозаготовок в Ошском округе за 1929 г.». 15 декабрь 1929 г.

80. Там же...ф. 611, оп. 1, д. 67, л. 37. Информационное сообщение о ходе рассмотрении дел по хлебозаготовкам и хлопкозаготовительной кампанией 1929 г.». 5 марта 1930 г.

81. Там же...ф. 62, оп. 1, д.3, лл. 41 – 42об. Докладная записка. Прокурору округа от временно исполняющего должность помощника прокурора Араван-Буринского района Юлдашева. 9 январь 1930 г.; Там же...ф. 79с, д.12, л. 156-158. Докладная записка пом. прокурора Араван-Буринского района Юлдашева Абубакира о поздке в Араванскую часть района. 21 – апрель 1931 г.; Там же...ф. 79с, оп. 1, д. 12 лл.71-71об. Докладная записка прокурора Араван--Буринского района Дзугаева в НКЮ КАССР. 9 ноябрь 1930 г.;

Там же... лл. 126- 155. Список лиц, осужденных нарсудами Араван-Буринского района. 7 января 1931 г.

82. Там же... л. 43. Всем нарследователям округа. Циркуляр. 30 декабря 1929 г.

83. ЦГА КР, ф. 145, оп. 1, д.294, л. 39.
Докладная о количестве осужденных лиц за хлопкозаготовительную кампанию по Жалал-Абадскому району. Январь 1932 г.

84. Там же... д. 231, лл. 10 – 10об. Докладная записка о репрессировании кулацко – зажиточных хозяйств в связи с посевной 1932 года в Южной Киргизии. 3 июня 1931 г.; Там же... лл. 28 – 28об. Докладная записка о работе органов юстиции Южной Киргизии по весенней посевной 1932 г. Материалы к заседанию коллегии. 9 июня 1932 г.

85. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 432, л. 105, Информационная сводка о работе Народного комиссариата юстиции Киргизской Республики за время с 1-го января по 1-е июля 1932 г. \ Полугодовая\ Народному Комиссариату Юстиции РСФСР. 10 июля 1932 г.

86. ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 350, л. 49. «Об усилении мероприятий по очистке колхозов от байско – кулацких и зажиточных хозяйств». Постановление СНК Киргизской ССР. 18 май 1931 г.; Там же... д. 433, л. 46. Информация ОГПУ КАССР о чистке колхозов за 1931 – 1932 гг. по данным 10ти районов; Там же..., ф. 33. Оп.1, д. 7, л. 16. Доклад о работе контрольной комиссии ВКП(б) и РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции) Араван-Буринского района за период с 15 января 1931 г. по 1 января 1932 г.; ЦГА КР, ф. 21, оп.9, д.106, л. 34. Характеристика социально – экономического положения Араван-Буринского района. 1934 год.; Асанбаев У.А. Советы Киргизии в борьбе за строительство социализма (1929 – 1932 гг.). с. 139. Фрунзе, 1968.; История

коллективизации сельского хозяйства в Киргизии (1929 – 1934 гг). с. 307, Из тезисов доклада председателя Алай-Гульчинского райисполкома на IV сессии ЦИК КАССР. Не ранее 20 мая 1934 г.

87. ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 421, л. 49.
Предложения комиссии по внутрикраевому переселению кулацких хозяйств. Особое решение СредАзбюро ЦК ВКП(б). 10 апреля 1932 г.; Там же... д. 434, л. 127, Телеграмма ЮКОС (Южнокиргизский оперативный сектор) ОГПУ в Киробком ВКП(б). 10 мая 1932 г.; Бактыгулов Д. С. Социалистическое преобразование киргизского аила (1928-1940), с. 139. Фрунзе, Илим,1978.

88. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д.432, лл. 42 – 94.
Список выселяемых из территории района и Киргизии кулацко – байско – манапских хозяйств Араван-Буринского района. Протоколы № 1-5 заседания политпятерки при Араван-Буринском РК ВКП(б). 10, 15-16-17, 20 мая 1932 г.

89. Там же..., д. 465, лл.46-47. Служебная записка. 27 августа 1931 г. Скорее всего эти лица были арестованы в ходе периодически проводимой органами ГПУ чистки приграничной с Китаем территории Алай-Гульчинского района.

90. ЦГА КР, ф.145, оп. 1, д, 125, л.17. Места заключения КАССР по состоянию на 1-марта 1929 года. Информационное сообщение НКЮ КАССР. 10 апреля 1929 г.; Там же..., л. 145. Докладная записка начальника Фрунзенского Центрального исправительно-трудового дома. 2 октября 1929 г.

91. Там же..., д.125, л. 208. Докладная записка. Прокурору Кирреспублики. 3 ноября 1929 г.

92. Там же..., ф. 21с, оп. 1, д. 59. О перегруженности мест заключения Киргизской АССР и мерах к их разгрузке. Постановление камерного совещания при прокуратуре Кир. АССР. 12 марта 1931 г.

93. ЦГА ПД, ф.280, оп. 1, д. 51, л. 11. Акт обследования Жалал-Абадского изолятора. 10 мая 1932 г.; Там же..., ф. 10, оп. 1, д. 434, л. 108. Выписка из акта обследования мест заключения КАССР. 5 апреля 1932 г.

94. ЦГА КР, ф. 145, оп. 1, д. 231. л. 22об. Квартальная сводка НКЮ КАССР по управлению исправительно – трудовыми учреждениями. Июль 1932 г.

95. ЦГА КР, ф. 145, оп.1. д. 110, л. 19. Сведения о количестве осужденных за хищение хлеба, спекуляцию хлебом и должностных лиц в связи с проведением хлебозаготовок за период с 1 января 1932 г. по 1 марта 1933 г. Апрель 1933г.; Там же..., л. 25.Сведения о количестве уголовных дел, рассмотренных в Главсуде Кир. АССР от 1 января по 1 июля 1933 года. Август 1933 г.

96. ООГА, ф. 1.оп.1, д.238, л.180об. Информационная сводка о ходе хлебозаготовок по округу. 8 сентября 1929 г.; Там же... ф. 1с. оп. 1. д.298, л. 27. О политическом состоянии в бывшей Чаткальской волости в связи с возникновением басмачества. Ноябрь 1929г.; ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 292, лл. 91, 108. Опербандсводка (оперативная сводка) информация о ходе борьбы с бандитскими шайками) №5. Киргизский отдел ОГПУ. 26 мая 1930 г.

97. ЦГА КР, ф. 21с, оп. 1, д. 40. лл.164-164об. Информационное сообщение ОГПУ о проведенной 1-10 ноября 1930 г. операции по изъятию участников и пособников басмачества. 14 ноября 1930 г.; Там же...д. 75, лл. 6-6об. Справка ЮКОС ОГПУ о результатах оперативно-боевых операций по ликвидации бандитизма по Южной Киргизии в 1932 году. Январь 1933 г.

98. Бактыгулов Д. С.Указанная работа, с.132; ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 285, л.134. Служебная записка и. о. ответ. секретаря Киробкома ВКП(б) Морину от уполномоченного по Ошскому округу

Баишева. Июнь 1930 г.; Там же..., д. 508, л. 2.; Там же, ф.10, оп. 1, д. 512, л. 129. Конспект отчетного доклада Областного Комитета ВКП(б) на районных партконференциях не ранее 20 декабря 1933 г.; ЦГА КР, ф. 21с, оп. 1, д. 38, л.5. О принятых мерах по оставлению бежавших граждан из Кичик Алая Наукатского района. Резолюция исполбюро Ошского окружкома ВКП(б). 13 июля 1930 г.; Там же..., л. 195об. Внеочередное донесение о политико-экономическом состоянии пограничной полосы Средней Азии. ПП ОГПУ в Средней Азии. 11 декабря 1932 г.; Там же..., д. 89, л.184. Справка о фактах побега с постоянного места жительства. ОГПУ Кир. АССР. 7 июля 1933 г.; Там же..., д. 506, л. 50- 51. Секретарю СредАзбюро ЦК ВКП(б) Бауману. Докладная записка. 20 август 1933 г.; Там же..., л. 62. Обращение зам. Председателя Мургабского райисполкома Горно Бадахшанской области Таджикской АССР Болекбаева председателю СНК Кир. АССР Б. Исакееву. Апрель 1935 г.

99. Айтматов Ч. Самая трудная победа – победа над собой. Труд. 1991. 3 октября.

100. Джунушалиев Д, указанная работа..., с. 221.

101. Ю.Абдрахманов, указанная работа..., сс.140, 143, 150.

102. Постановления сессий ЦИК Киргизии: Сборник документов (1927-1938). с. 280, Фрунзе, 1986.; Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Обкома и ЦК. Часть I. с. 292. Фрунзе, 1958; ООГА, ф.1, оп.1, ед. хр. 287. л. 3; Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии: Сб. документов (1925-1937 гг.). С.393. Фрунзе, 1973.; КПСС и Советское правительство о Киргизии: Сб. документов. с. 236. Фрунзе, 1967.; Киргизстан за 50 лет Советской власти: Стат. сборник. с. 83, Фрунзе, 1967.

103. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 269, л. 184. Телеграмма Киробкома в СредАзбюро ЦК ВКП(б). О причинах сокращения поголовья скота в Республике. 20 декабря 1930 г.; ЦГА КР, ф. 21с, оп. 1, д. 112, л. 3. Телеграмма ответ. секретаря Киробкома ВКП (б) Б. Исакеева в ЦК ВКП(б). 1934 г.

104. ООГА, Ф. 1, оп.1. д. 350. лл. 9-10. Информация о положении в Алай-Гульчинском и Базар-Курганском районах. Протокол №1 Басмаческого совещания Ошского округа. 27 мая 1930 г.; Там же...д. 298, лл. 16-17. О политическом состоянии в бывшей Чаткальской волости в связи с возникновением басмачества. «...» ноябрь 1929 г.; Там же...ф. 79, оп. 1, д. 14. лл. 64. О политическом состоянии Сулюктинского района. Письмо секретаря РК ВКП(б) в Киробком ВКП(б). 12 июня 1931 г.; Там же...лл. 57об -58, Сообщение секретаря Сулюктинского РК ВКП(б) в ЮКОС ОГПУ о событиях в связи с активизацией басмачества в районе. 7 июня 1931 г.; ЦГА КР, ф.21с, оп. 1, д. 58, лл.153-154, Спецсводка ЮКОС ОГПУ по освещению хода весенней посевной кампании по районам Южной Киргизии. 25 апреля 1931 г.; ЦГА КР, ф. 21с, оп. 1, д. 35, лл.71-72. О работе правительственной комиссии Кир. ЦИКа на Юге Киргизии. Материалы к докладу. Ноябрь 1930 г.; Там же...д. 231, лл. 10-10об. Докладная записка НКЮ о репрессировании кулацко-зажиточных хозяйств в связи с весенней посевной 1932 года в южной Киргизии. Июнь 1930 г.; ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 285, лл. 158-159. Информационное письмо Ошского окружного комитета ВКП(б) в Киробком ВКП(б) и СредАзбюро ЦК ВКП(б). 15 июля 1930 г.; Там же..., ф.280, оп. 1, д. 3, л. 26. О досрочных перевыборах Сельсоветов. Постановление исполбюро Жалал-Абадского РК ВКП(б). 7 октября 1930 г.; Там же...д. 16, лл. 5об.- 6 - 6об. - 7. О болезненных явлениях в партийной организации и борьба с ними. Постановление исполбюро Жалал- Абадской РК ВКП(б). екабрь 1932 г.; Там же...ф. 363, оп. 1, д. 2, лл. 7, 65-67. Протоколы заседаний коллегии Контрольной комиссии Базар-

Курганского района от 16 –января и 11-декабря 1933 г.; Там же...д.292, л. 91. Ошский округ. Опербандсводка ОГПУ КАССР. 23 мая 1930 г.

105. Перечень населенных пунктов и избирательных участков Ошской области. сс. 2-87. Брошюра для служебного пользования. г. Ош, 2009 г.

106. Бондаренко Д.Я., Вдовин А. И. и др. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. сс. 232-233, 237-238, 240. Москва, 2009 г. http://www.nlvp.ru/reports/doclad_hist_02_light.pdf.

107. Вероника Бодде. Почему репрессии советского периода не стали культурно-значимым символом в современной России? <http://www.svobodanews.ru/content/transkript/24374333.html>.

АВТОР

Мыктар Тагаев является руководителем НПО (Неправительственной организации) «Центр историко-культурных исследований» в г.Ош, Кыргызская Республика.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Центр с большой признательностью выражает благодарность членам международного консультативного комитета данного проекта: Гульнаре Айтпаевой (Культурно-исследовательский центр «Айгине», Бишкек, Кыргызстан), Моргану Лью (Университет штата Огайо, Колумбус, США), Бенджамину Лорингу (Фонд Виктора Пинчука, Киев, Украина) и Джеффу Сахадео (Карлтонский университет, Оттава, Канада).

Основанный Его Высочеством Ага Ханом, в партнерстве с Правительством Канады, **Глобальный центр плюрализма** является международным исследовательским и образовательным центром, расположенным в г. Оттава, Канада. Вдохновленный опытом Канады, как страной многообразия и инклюзивности, Центр был создан с целью понимания динамики плюрализма и продвижения позитивных мер в ответ на вызовы, стоящие перед возможностью жить мирно и вместе вести продуктивную деятельность в условиях многообразного общества. Плюрализм определяется как позитивный ответ на многообразие, основанное на взаимоуважении.